

Научная статья

УДК 94 (470)"1905

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-2>

Игорь Владимирович Омельянчук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

Omeliyanchuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Igor' V. Omel'yanchuk

Moscow City University

Moscow, Russia

Omeliyanchuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии)*

Political terror and the right-wing movement (The case of Vladimir Governorate)

Аннотация. В статье рассмотрено уличное противостояние октября 1905 г., вошедшее в историю как «еврейские погромы». Основой источниковой базы данной работы стали документы департамента полиции, отложившиеся в Государственном архиве Владимирской области, и материалы периодической печати разных политических направлений.

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. на улицах российских городов столкнулись революционные демонстрации, воспринявшие царский манифест как сигнал к решительному штурму самодержавия, и патриотические манифестации, вышедшие на защиту своего привычного мира. Вызывающее поведение сторонников оппозиции, не только проповедовавших свои политические идеалы, но и оскорблявших национальные и религиозные чувства консервативных слоев населения, спровоцировало уличные эксцессы, перешедшие затем в кровавые столкновения. Ситуацию усугубило бездействие местных властей, не получивших своевременно инструкций из Петербурга и проявивших

* Для цитирования: Омельянчук И.В. Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 690–742, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-2>

For citation: Omel'yanchuk, I. "Political terror and the right-wing movement (The case of Vladimir Governorate)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 690–742, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-2>

© Омельянчук И.В., 2021

© Omel'yanchuk I., 2021

растерянность в условиях первых «дней свободы». Таким образом, погромы октября 1905 г. произошедшие вне черты оседлости, были направлены не столько против евреев, сколько против революционеров (среди которых евреи составляли заметную часть).

Вопреки доминирующему в историографии представлению об организованном характере столкновений октября 1905 г. погромы возникли спонтанно. Ни пребывавшая в прострации власть, ни правые партии, численный состав которых во всей России на тот момент измерялся несколькими тысячами человек, не являлись инициаторами и организаторами этих событий. Во Владимирской губернии в октябре 1905 г. вообще не существовало монархических организаций.

Однако сторонники самодержавия несут ответственность за два политических убийства, произошедшие уже после «погромов» в ноябре–декабре 1905 г., когда в Иваново-Вознесенске толпа, разъяренная событиями последних месяцев, растерзала революционерку, перевозившую оружие, а в с. Ундол рабочие убили агитатора, призывавшего к свержению самодержавия. После создания монархических организаций во Владимирской губернии уличные столкновения противников и сторонников самодержавия постепенно сошли на нет, так как монархисты получили возможность отстаивать свои политические убеждения в более цивилизованной форме. И хотя конфликты между лицами противоположных политических убеждений продолжались еще некоторое время, но они носили скорее характер бытовых ссор и обходились без жертв. Ответственность за эти инциденты в равной степени несут обе стороны.

Ключевые слова: Революция 1905–1907 гг., погромы, правительство, монархические партии, политический террор, Владимирская губерния.

Abstract. The article examines the street confrontation of October 1905 which went down in history as Jewish pogroms. The source base of the work comprises the documents of the police department deposited in the State Archive of Vladimir Oblast and the materials from periodicals of various political leanings.

After the publication of the Manifesto of the 17th of October, 1905, in the streets of Russian cities, the revolutionary demonstrations whose participants viewed the Manifesto as a signal for a decisive assault on the autocracy clashed with the patriotic manifestations held by those who wanted to defend their familiar world. The defiant behavior of opposition supporters who preached their political ideals and in doing so insulted national and religious feelings of the conservative strata of population provoked street excesses, which then turned into bloody clashes. The situation was aggravated by the inaction of the local authorities who had not received timely instructions from St Petersburg and showed confusion during the first “days of freedom.” Thus, the pogroms of October 1905 which took place outside the Pale of Settlement were directed not so much against the Jews as against the revolutionaries (a considerable part of them were Jews).

Contrary to the idea prevailing in historiography that the clashes of October 1905 were organized, the pogroms arose spontaneously. Neither the government, which was prostrate, nor the right-wing parties, the numerical composition of which in Russia at that time was measured by several thousand people, initiated or organized those events. In October 1905, there were no monarchist organizations in Vladimir Governorate at all.

However, the supporters of autocracy are responsible for two political murders which occurred after the pogroms in November–December 1905. In Ivanovo-Voznesensk the crowd infuriated with the events of recent months tore to pieces a revolutionary woman who was transporting weapons, and in the village of Undol workers killed an agitator who called for the overthrow of autocracy.

After the foundation of monarchist organizations in Vladimir Governorate, street clashes between the opponents and the supporters of autocracy gradually died down because the monarchists got an opportunity to defend their political convictions in a more civilized form. Although the conflicts between persons of opposite political views continued for some time, they were more like domestic quarrels and had no victims. Both sides were equally responsible for those incidents.

Key words: Revolution of 1905–1907, pogroms, government, monarchist parties, political terror, Vladimir Governorate

Введение

Тема «правого террора» («еврейских погромов» октября 1905 г. и последующих столкновений сторонников самодержавия и их противников) по-прежнему сохраняет свою социально-политическую остроту. Вопрос о том, кто несет ответственность за произошедшее, до сих пор не получил однозначного ответа. Часть дореволюционных исследователей, в основном придерживавшихся консервативных взглядов, утверждала, что уличные столкновения были стихийными¹, другая (значительно превосходящая первую по численности) – настаивала на том, что погромы были организованы властью и монархическими партиями, которые и несут ответственность за пролитую кровь². В частности, социал-демократ Е. Маевский (В.А. Гутовский), один из авторов весьма серьезного в научном отношении четырехтомника «Общественное движение в России в начале XX в.», утверждал, отражая революционную позицию своей партии, что

весь 1905 г. невидимая рука здесь и там старательно трудилась над организацией реакционных сил и направляла их против освободительного движения³.

¹ См., напр.: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. – Москва: Терра, 1992.

² *Борисов Я.* Кому нужны погромы? – Санкт-Петербург: Друг народа, 1906; *Левицкий В.* Правые партии // *Общественное движение в России в начале XX в.* Т. 3. Ч. 5: Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе / под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1914. – С. 347–469; Погромы и погромщики: 1. О Черной сотне. 2. В Государственной Думе: речи Мин. внут. дел [П.А. Столыпина] и члена Думы князя Урусова. – Нижний Новгород: Типография И.М. Гец, 1906 и др.

³ *Маевский Евг.* Общая картина движения // *Общественное движение в России в начале XX в.* Т. 2. Ч. 1 / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – С. 97.

Либеральная историография также настаивала на широком использовании монархистами террора и в последующие годы⁴.

Советская историография в 1920–30-е гг., в силу идеологических причин, в целом повторяла эти утверждения⁵. Даже наметившаяся со второй половины 1960-х гг. некоторая либерализация в вопросе исследования истории политических партий и движений принципиально не изменила устоявшихся оценок⁶. Лишь последовавшая в 1990-е гг. деидеологизация исторической науки позволила ученым отойти от сложившихся стереотипов в изучении погромов осени 1905 г. Однако и в современной историографии есть исследования, продолжающие этот дореволюционный спор. Часть историков по-прежнему допускают организованный характер погромов, подчеркивая важность их этнической составляющей⁷. Другие авторы категорически отрицают роль правительства и монархических («черносотенных») партий в этом процессе, делая акцент в первую очередь на «контрреволюционных», а не этно-конфессиональных мотивах погромщиков и указывая, что по своему размаху правый террор в сотни (!) раз уступал террору революционному⁸.

Характерно, что зарубежная историография также не пришла к консолидированному мнению по этому вопросу. Так исследователь из США У. Лакер категорично утверждает, что правые партии участвовали в погромах и многочисленных политических убийствах, настаивая на существовании «фашистских потенций» в «черносотенной» идеологии⁹. Его соотечественник А. Ашер более осторожен. Говоря о событиях октября 1905 г., он допускает «запланированное насилие» со стороны власти¹⁰. В то же время коллектив

⁴ См., напр.: *Левицкий В.* Правые партии. – С. 437–438.

⁵ *Евгеньев [Кауфман] А.Е.* Царские погромщики. – Петербург: Атены, 1919; *Залежский В.* Монархисты. – Харьков: Пролетарий, 1929 и др.

⁶ *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. – Москва: Наука, 1966; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX – 1920). – Москва: Мысль, 1977.

⁷ См., напр.: *Раскин Д.И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье / под редакцией Р.Ш. Ганелина. – Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, 1992. – С. 5–46.

⁸ *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). – Москва: АО Росвузнаука, 1992; *Степанов С.А.* Черная сотня. – Москва: ЭКСМО: Яуза, 2005; *Кожин В.В.* Загадочные страницы истории XX в. – Москва: Прима В, 1995; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. – Москва: РОССПЭН, 2001.

⁹ *Laqueur W.* Black Hundred: the rise of the extreme right in Russia. – New York: HarperCollins, 1993; Русское издание: *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – Москва: Текст, 1994.

¹⁰ *Ашер А.* Погроми 1905 року: самочинність, чи заплановане насильство? // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – № 5–6. – С. 185–194.

авторов Кембриджского университета полностью отрицает такую возможность¹¹. Американский историк Дж. Роусон также полагает, что монархические партии в юридическом смысле не могут нести ответственность за погромы 1905 г.¹²

Если перечисленные выше авторы рассматривали погромы сквозь призму изучения правого движения в целом, то в XXI в. появились весьма основательные обобщающие исследования, посвященные непосредственно уличному противостоянию октября 1905 г.¹³ (кстати, авторы обеих вышеприведенных работ отрицают какую-либо роль правительства или монархических партий в погромах¹⁴). Однако на региональном уровне большинство работ лишь затрагивают данную проблему как один из сюжетов истории монархического движения¹⁵, либо политического терроризма в целом¹⁶. Таким образом, несмотря на существование значительного массива литературы, в той или иной степени затрагивающей кровавые события октября 1905 г. как на всероссийском, так и на региональном уровне, специальные работы о погромах во Владимирской губернии отсутствуют. Данная статья призвана ликвидировать этот пробел в историографии.

Основная часть

Нарастание революционного кризиса летом–осенью 1905 г. вовлекло в политический процесс сторонников самодержавия и положило начало консолидации консервативного лагеря, социальную базу которого во

¹¹ Pogroms: anti-Jewish violence in modern Russian history / ed. by John D. Klier and Shlomo Lambroza. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

¹² Rawson Don C. Russian rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

¹³ Шукина Т.А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Южно-Уральский государственный университет, 2010; Кузнецов Г.Р. Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Московский государственный университет, 2011.

¹⁴ Кузнецов Г.Р. Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции 1905–1907 гг. – С. 23; Шукина Т.А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века. – С. 24.

¹⁵ Лавриков С.В. Правомонархическое движение в Тверской губернии (1905–1915): дис. ... канд. ист. наук. – Тверской государственный университет, 1996; Рубанков К.С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Костромской государственный университет, 2007.

¹⁶ Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг. (на материалах Костромской, Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Костромской государственный университет, 2007.

Владимирской губернии составили городские низы – мелкая буржуазия и рабочие. Уровень жизни этих социальных слоев за год революционного противостояния заметно упал (вследствие потери заработка во время забастовок, снижения покупательной способности населения и т. п.), что стало экономическим базисом контрреволюционных настроений в этой среде. Часть фабричного пролетариата, оказавшаяся на грани голода из-за прекращения выплаты зарплат и отсутствия сбережений, выступила против забастовок с требованием возобновить «работы». Например, летом 1905 г. в Иваново-Вознесенске рабочие завода Дьяконова отказались прекратить работы по требованию пришлых агитаторов и даже намеревались их «побить»¹⁷.

Полицейские рапорты этого периода фиксировали повышение степени конфликтности политического процесса. Один из жителей Иваново-Вознесенска, В.П. Попов, ходатайствовал перед начальником губернии о приобретении обывателями 2 тыс. револьверов «для самообороны» от революционеров¹⁸. В Муроме же, наоборот, рабочие завода Валенкова «для самозащиты от угрожающих жителей» изготовили себе железные палки¹⁹.

К октябрю атмосфера накалилась настолько, что любая случайная искра могла привести к социальному взрыву. Такой искрой стал Манифест 17 октября 1905 г., провозглашавший создание законодательной Государственной Думы и даровавший населению гражданские свободы. Сторонники продолжения революции встретили его ликованием, посчитав манифест сигналом к решительному штурму пошатнувшегося самодержавия. Консервативно же настроенная часть населения, устав от революционных эксцессов, вышла на улицы с требованием восстановления «законности и порядка». Появление на улицах двух толп с противоположными политическими убеждениями (консервативных «манифестантов» и революционных «демонстрантов»²⁰) в условиях полной растерянности местной власти, не получившей после публикации манифеста должных инструкций и не понимавшей, как надо действовать в «дни свободы», привело к кровавым столкновениям, унесшим по всей стране тысячи жизней.

Сведения о манифесте дошли до губернского города Владимира 18-го октября. Вечером того же дня представители оппозиционных партий во главе с кадетами в помещении Дворянского собрания организовали митинг, число участников которого превысило полторы тысячи человек. Явились на него,

¹⁷ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 14. – Оп. 4. – Д. 2622. – Л. 170.

¹⁸ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 4. – Д. 2622. – Л. 6.

¹⁹ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1481. – Л. 3 об.

²⁰ Периодическая печать того периода революционные выступления называла «демонстрациями», а контрреволюционные – «манифестациями».

причем в немалом количестве, и сторонники самодержавия. Если кадеты всего лишь осторожно предлагали перейти к осуществлению полученных «свобод», то оратор от эсдеков Л. Зеликсон призывал не верить царскому манифесту, чем вызвал бурное негодование консервативно настроенной части аудитории. Вслед за ним выступил высланный во Владимир под гласный надзор полиции большевик П.И. Лебедев (Полянский). После слов «нам нужна республика!», он развернул красный флаг с надписью: «Долой самодержавие!»²¹ Присутствовавший на митинге портной Артемьев схватил это знамя, за что получил от П.И. Лебедева удар кулаком. В драку на стороне Артемьева вступил еще один рабочий, «но Лебедев вырвался и скрылся в залах дома». Его примеру последовали «присяжные поверенные Гвоздев, Котлецов, страховой инспектор губернского земства Малиновский» и другие инициаторы собрания, «так как толпа рабочих и торговцев», слыша речи, содержащие «порицание действий правительственной власти и даже самого Монарха... стала проявлять крайнее недовольство». В.А. Гвоздев и А.А. Котлецов перед тем, как покинуть митинг, успели назначить время и место нового собрания²².

19-го октября на митинг к Народному дому пришло множество людей, часть которых была «несколько выпивши». Настроение толпы, по сведениям полиции, было «противу тех же Гвоздева, Котлецова, Малиновского и учащейся молодежи за вчерашние их революционные речи». Узнав об этом, устроители собрания решили на него не являться, а В.А. Гвоздев вообще предпочел уехать из города. Владимирский полицмейстер Иванов с трудом убедил пришедших на митинг оставить в покое «указанных лиц» и направиться «в Успенский собор на молебен по случаю чтения Высочайшего манифеста от 17 октября». Однако по дороге толпа, встретив «проходившего студента Лебедева, напала на него и стала бить». Последнего спасло лишь вмешательство полицмейстера, вырвавшего его из рук толпы и поместившего сначала «на гауптвахту под охрану военного караула», а потом доставившего в больницу. Другая часть собравшихся, «завидя двоих неизвестных студентов, бросилась за ними», однако студенты укрылись в здании Госбанка. Для его охраны и защиты беглецов полиции пришлось привлечь роту 10-го Малороссийского полка²³. После этого «все части толпы соединились в одну общую массу, которая, имея белое знамя... пошла по большой улице с пением народного гимна». Затем толпа исполнила гимн у офицерского собрания 10-го Малороссийского полка, «потребовала музыку... сожгла красное знамя и вместе с музыкой двинулась по Нижегородской улице,

²¹ Цит. по: Рубанков К.С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). – С. 43.

²² ГАВО. – Ф. 981. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 1.

²³ ГАВО. – Ф. 981. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 1 об., 2.

распевая гимн и молитву «Спаси, Господи, люди твоя!». Сожжение второго красного флага сопровождалось возгласами: «Не нужно нам конституции. Без царя мы жить не можем и не будем!» Далее толпа попыталась разгромить квартиру Малиновского (д. Жукова, 2-я Никольская ул.), однако была рассеяна усилиями пристава Дробышева и все той же роты 10-го Малороссийского полка.

Поздним вечером больше 200 человек направились громить квартиру А.А. Котлецова, однако, не зная точного адреса, они стали «бросать камнями во все окна» трехэтажного здания и выбили стекла не только в квартире Котлецова, но и в помещении Губернского жандармского управления. После чего «толпа двинулась к квартире Гвоздева, где также разбила стекла». Но и на этом события не закончились – далее «толпа, состоящая преимущественно из *оборванцев* [курсив мой. – И. О.], двинулась к публичным домам на Московской улице», где была разогнана войсками во главе с полицмейстером, но успела, однако, выбить окна и там²⁴.

Современник тех событий в воспоминаниях, опубликованных в 1930 г., утверждал, что сигналом к погрому стало выступление губернатора И.М. Леонтьева, после молебна в Успенском соборе призвавшего «поддержать царя-батюшку» и «не слушать смутьянов»²⁵. Якобы после этого и начались избиения «студентов, гимназистов и вообще всех, кто имел “интеллигентный вид”». Пострадавшими за день оказались восемь гимназистов и семинаристов, пять студентов и даже несколько мелких чиновников. По мнению автора этих воспоминаний, полиция не препятствовала погромщикам, а пристав Дробышев даже «спаивал черносотенцев водкой». Полицмейстер Иванов якобы также не вмешивался в происходящее. И только когда толпа принялась «за разгром публичных домов... начальство немедленно вступилось за эти «учреждения» и вызванная рота солдат “без труда разогнала громил”»²⁶.

Лишь на следующий день в расклеенных по городу объявлениях губернатор призвал население «к порядку и спокойствию», просил «отстраняться от участия в преступных действиях» и предупреждал, что «с лицами, дозволившими себе нарушение порядка и насилия, будет поступлено по закону». В это же время в городе распространялись листовки с призывом к бойкоту наиболее активных погромщиков: банщика Куликова, торговцев Дворникова, Гончарова и Байкусова²⁷. Следует отметить, что двое последних впоследствии вступили в местный отдел Союза русского народа (СРН)²⁸.

²⁴ ГАВО. – Ф. 981. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 1 об., 2.

²⁵ Н.Ш. Черносотенный погром во Владимире в 1905 г. – Призыв. 1930. 2 ноября. № 43, С. 2 // ГАВО. – Ф. 410. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Клязьма. – 1906. – 16 февраля. – № 42.

В Иваново-Вознесенске основные события начались лишь 22-го октября, когда в городе «был устроен многотысячный митинг». Демонстранты попробовали силой освободить арестованных (в документе не уточняется, каких именно, но вероятно тех, которых арестовали ранее за участие в революционных выступлениях, с различной степенью интенсивности продолжавшихся в Иваново-Вознесенске с весны 1905 г. – *И. О.*), однако попытка ворваться в полицейское управление была предотвращена взводом солдат. Правда, правый «Ивановский листок» утверждал, что губернатор все же освободил двоих арестованных, после чего толпа

демонстративно, с пением революционных песен направились... на реку Талку. В противовес этой партии организовалась... монархическая партия, которая шла с портретом Государя с белыми и национальными флагами. Обе партии встретились на Шереметевской улице, произошла драка и в результате 12 человек тяжело избитые (здесь и далее в тексте сохранены орфография и пунктуация источников. – *Ред.*) были отправлены в больницу²⁹.

Либеральный «Старый Владимирец» уточнял, что двое из пострадавших, Кувшинов и Оранов, через несколько дней скончались. Во время переговоров враждующих партий на р. Талке был убит и один из организаторов летних забастовок рабочий Ф.А. Афанасьев³⁰.

«Московские ведомости» утверждали, что поводом к столкновениям 22-го октября стало выступление на митинге одного из ораторов, завершившего свою речь словами: «Не надо нам Царя». Сразу в толпе «пошел ропот и негодование» и ее настроение мгновенно изменилось, «тут же стали организовываться группы «националистов»... появился портрет государя и национальные флаги». Манифестанты разделились: часть пошла в Посад, «где всюду встречала рабочих, примыкавших к ней», другая же часть на пути к вокзалу встретила «демонстрантов с красными флагами». Те из них, кто не успел убежать, были избиты, а красные флаги были «изорваны в клочья». На молебне, проведенном в тот день, присутствовало 20–30 тыс. человек «с белыми бантами на груди»³¹. Цифра не выглядит фантастической, так как на следующий день, 23-го октября, по сведениям либерального «Старого Владимирца», молебен перед зданием городской управы собрал уже 40 тыс. человек³². Напомним, все население Иваново-Вознесенска составляло около 60 тыс. человек, из которых около

²⁹ Ивановский листок. – 1913. – 14 марта. – № 58.

³⁰ Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

³¹ Московские ведомости. – 1905. – 30 октября. – № 288.

³² Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

половины составляли рабочие³³ (а по данным Городской думы – 40 тыс.³⁴). К тому же, на городских фабриках работало еще и множество крестьян из соседних сел.

Обе газеты, и либеральная, и монархическая, были согласны в том, что избиения революционно настроенных рабочих начались по окончании первого молебна. А после произнесенного призыва «бить жидов и интеллигентов» толпа, как писали «Московские ведомости», начала «погром еврейских магазинов» и домов «социалистов, принимавших участие в демонстрациях»³⁵. «Старый Владимирец» же утверждал, что целью погрома были только «еврейские лавки и квартиры»³⁶. Первым был разгромлен магазин Бернштейна³⁷. Разгрому подверглись «почти все [курсив мой. – И. О.] евреи, проживающие в городе, которых было в то время до 20-ти семейств», досталось даже знаменитой компании «Зингер», видимо, за еврейскую фамилию ее основателя. Погром продолжался 24-го и 25-го октября, «монархисты избивали партии с красными флагами, были и убитые»³⁸. Лишь 27-го октября в городе наступило относительное спокойствие. «Старый Владимирец» не упомянул о жертвах среди евреев, однако указал сумму ущерба от погрома, составившую более 160 000 руб.³⁹

Если Иваново-Вознесенские евреи отделались лишь материальными потерями, то рабочим-забастовщикам, а особенно агитаторам и депутатам (выборным) пришлось гораздо хуже. «Ивановский листок» сообщал, что «погрому... подверглись не только евреи, но и русские – бывшие депутаты от фабричных рабочих»⁴⁰. По сведениям «Московских ведомостей», 24-го октября рабочих-эсдеков, прекративших забастовку и вернувшихся на свои фабрики, рабочие-монархисты «избивали до бессознательного состояния»⁴¹. «Старый Владимирец» утверждал, что «с 22 по 26 октября толпа избивала отдельных рабочих, отмеченных участием в забастовочном движении. Между ними – бывших во время забастовки депутатов». Один из них – Селиверстов – вскоре скончался⁴². Социал-демократ Е. Маевский писал, что погромщики

³³ Советская историческая энциклопедия. Т. 5 / под редакцией Е.М. Жукова. – Москва: Советская энциклопедия, 1964. – Стб. 738.

³⁴ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1434. – Л. 63.

³⁵ Московские ведомости. – 1905. – 30 октября. – № 288.

³⁶ Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

³⁷ Там же.

³⁸ Ивановский листок. – 1913. – 14 марта. – № 58.

³⁹ Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

⁴⁰ Ивановский листок. – 1913. – 15 марта. – № 59.

⁴¹ Московские ведомости. – 1905 г. – 30 октября. – № 288.

⁴² Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

врываюся в фабричные здания, отыскивают наиболее интеллигентных рабочих, особенно тех депутатов, которые представляли рабочую массу во время знаменитой летней забастовки. Хватают их, убивают, калечат, выбрасывают с верхних этажей...⁴³

Признавая, что «в этом кровавом деле принимает участие и часть рабочих», он подчеркивал пассивность основной «темной рабочей массы»⁴⁴. А.П. Саваренский, бывший в то время полицмейстером, утверждал, что депутаты вызвали недовольство рабочих тем, что на собранные для поддержки забастовщиков деньги, они «накупили... велосипедов»⁴⁵. Е. Маевский же причиной избиений рабочих-депутатов называл действия «некоторых фабрикантов», которые «втихомолку делают все возможное, чтобы возбудить темную рабочую массу против рабочих-агитаторов». Рабочих спаивают водкой, на три дня прекращают работы, обещая начать платить только тогда, когда с фабрик «будут изгнаны неблагонадежные элементы»⁴⁶.

В 1913 г. на суде, рассматривавшем обстоятельства погрома октября 1905 г. в Иваново-Вознесенске, двое рабочих с фабрики Гарелина, обвиняемых в избиении слесаря В.В. Белокурова, утверждали, что последний «заставил их прекратить работу, останавливал паровую машину, и мы два месяца голодали в забастовке, почему и решили вывести его к толпе»⁴⁷. Еще одним поводом для избиений стало проявление неуважения к самодержцу. Так, был избит большевик В.Е. Морозов, отказавшийся снимать шапку перед царским портретом. Правда, следует отметить, что в ответ на предложение снять шапку В.Е. Морозов не только обругал царя, но и успел застрелить двух человек, державших его портрет⁴⁸.

Один из свидетелей на суде заявил, что в избиениях забастовщиков участвовали «крючники со станции» (грузчики), якобы нанятые специально для этой цели. В показаниях других свидетелей упоминались также и классические персонажи погромов – «толпа в серых куртках» – т. е. лабазники⁴⁹. Вызванные для наведения порядка казачьи части сыграли скорее противоположную роль, вызвав недовольство рабочих, что подтверждается мнением старшего фабричного инспектора, говорившего, что если подобным «бесчинствам [казаков] не будет положен предел», то вместо «желательного успокоения»

⁴³ Маевский Евг. Общая картина движения. – С. 103.

⁴⁴ Маевский Евг. Общая картина движения. – С. 103.

⁴⁵ Ивановский листок. – 1913. – 17 марта. – № 61.

⁴⁶ Маевский Е. Общая картина движения. – С. 103.

⁴⁷ Ивановский листок. – 1913. – 15 марта. – № 59.

⁴⁸ Степанов С.А. Черная сотня. – С. 81.

⁴⁹ Ивановский листок. – 1913. – 17 марта. – № 61.

следует ожидать «дальнейших осложнений и беспорядков»⁵⁰. По некоторым сведениям, казаки принимали участие и в убийстве Ф.А. Афанасьева во время переговоров на р. Талке⁵¹.

Консервативные «Московские ведомости» утверждали, что поводом к погрому послужили «два выстрела во время манифестации, произведенные из окон дома, занимаемого евреем Бернштейном [его магазин первым подвергся разграблению. – И. О.], и речь оратора-еврея на площади 22-го октября»⁵². «Старый Владимирец» же причиной беспорядков называл «черносотенную» агитацию. Газета не отрицала инцидента возле магазина Бернштейна, но подавала его в несколько другом свете:

Еще днем на площади ... служащий городской управы Селивановский, торговец Тихомиров и фотограф Щербаков произнесли погромные речи, призывая избивать евреев и интеллигентов, а Тихомиров, кроме того, раздавал в толпе деньги, призывая к еврейскому погрому. Наэлектризованная толпа бросилась к ближайшему магазину Бернштейна⁵³.

И только после этого «от магазина раздался треск, похожий на выстрел», который и спровоцировал погром⁵⁴.

«Ивановский листок» выяснил, что «треск» вовсе не был выстрелом, это кто-то из мальчишек положил на крыльцо магазина Бернштейна «сверток бертолетовой соли и ударил по нему камнем». Газета не отрицала «погромной агитации», однако считала, что фигуранты судебного дела о погромах А.Г. Селивановский и В.П. Тихомиров выступили лишь в ответ на «противоправительственные речи», доказывая собравшимся на митинге,

что евреи состоят развратителями народа, что они главным образом сеют смуту в народе, а потому надо бить жидов⁵⁵.

Суд, состоявшийся в марте 1913 г., главными виновниками октябрьских событий 1905 г. в Иваново-Вознесенске признал Н.И. Куражева, В.П. Тихомирова, А.Г. Селивановского, М.П. Щербакова и Г.П. Шохнина⁵⁶. Все

⁵⁰ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1517. – Л. 8.

⁵¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1961. – Стб. 937.

⁵² Московские ведомости. – 1905. – 30 октября. – № 288.

⁵³ Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ивановский листок. – 1913. – 14 марта. – № 58.

⁵⁶ Ивановский листок. – 1913. – 15 марта. – № 59; Старый Владимирец. – 1913. – 13 марта. – № 57.

они, исключая Н.И. Куражева, впоследствии вступили в Иваново-Вознесенскую Самодержавно-монархическую партию (ИВСМП)⁵⁷. Н.И. Куражев же, хоть и числился беспартийным, но баллотировался во II и III Думы по списку монархистов⁵⁸. Из 21 осужденного по делу об октябрьских погромах (еще 21 обвиняемый был оправдан) наиболее строгие наказания получили А.Г. Селивановский и В.П. Тихомиров: лишение прав состояния и один год в исправительных арестантских отделениях⁵⁹. Однако уже через месяц по ходатайству ИВСМП все осужденные монархисты были помилованы царем⁶⁰.

Еще один погром состоялся в Шуе. Продолжался он несколько дней и направлен был, как и в Иваново-Вознесенске, в первую очередь «против бывших депутатов местного Совета и революционно настроенных рабочих», о евреях же в ходе беспорядков «просто забыли»⁶¹.

В других городах губернии масштабных столкновений сторонников самодержавия и оппозиции удалось избежать. Так, 19-го октября в Муроме состоялась демонстрация, в которой участвовало около 100 рабочих завода Валенкова, к которым присоединились до 200 человек «посторонней публики». Шествие сопровождалось пением революционных песен («Марсельезы» и «Дубинушки»), а из толпы были слышны лозунги «Долой самодержавие!» Но полиция не решилась вмешаться, «зная, что все демонстранты вооружены», причем у многих револьверы, «стреляющие на 200 сажень». Кроме того, настроение демонстрантов после освобождения арестованных ранее известных революционных деятелей А.Г. Шляпникова и М.И. Лакина стало еще более агрессивным⁶². Но, несмотря на довольно взрывоопасную атмосферу, в этот день столкновений демонстрантов ни с полицией, ни со сторонниками самодержавия не последовало. Особую тревогу в свете возможных беспорядков, по мнению Муромского исправника, представляла суббота, 22-е октября. В этот день рабочие намеревались пойти к тюрьме, и исправник опасался «большого столкновения с крестьянством», приехавшим в базарный день в город по торговым делам. Дабы не допустить «общей свалки» собрание рабочих было отменено. Однако один инцидент все же произошел: в этот день

⁵⁷ Ивановский листок. – 1907. – 12 апреля. – № 83; Ивановский листок. – 1913. – 27 января. – № 22.

⁵⁸ Владимирский край. – 1907. – 12 января. – № 9; Владимирец. – 1907. – 26 сентября. – № 207.

⁵⁹ Ивановский листок. – 1913. – 19 марта. – № 62.

⁶⁰ Ивановский листок. – 1913. – 23 апреля. – № 84.

⁶¹ Иванов Ю. Человек – партия: Как мещанин Петров создал миф о шуйских черносотенцах // Родина. – 2000. – № 3. – С. 72; Иванов Ю. Рабинович и другие. Еврейский вопрос в Шуйском уезде // Родина. – 2002. – № 4–5. – С. 119.

⁶² ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1517. – Л. 10, 10 об, 14, 14 об.

представители Муромского крестьянского и рабочего комитета раздавали на рынке текст октябрьского манифеста, «и одного из раздававших деревенские мясники побили»⁶³.

Как видим, еврейские погромы октября 1905 г. были направлены не столько против этнических евреев, сколько против «революционеров» в целом, среди которых евреи составляли весьма заметную часть. Николай II писал:

Народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жида, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы <...> досталось и русским агитаторам⁶⁴.

Историк из США А. Ашер также полагает, что «хотя евреи и были главной мишенью погромов... нападением подвергались не только они», а все, кто «поддержал оппозицию в ее борьбе с самодержавием»⁶⁵. Среди жертв погромов во Владимирской губернии евреев не было (целью погромщиков являлось их имущество, а не жизни). Этот печальный список состоит из «революционеров», «агитаторов», а порой и просто участников революционных демонстраций и патриотических манифестаций.

Многие современники считали, что октябрьские события 1905 г. носили организованный характер, так как погромы практически одновременно (с 18-го по 22-е октября 1905 г.) вспыхнули в сотнях населенных пунктов. И либеральные, и демократические круги не допускали возможности самостоятельного выступления народных масс в защиту самодержавия. Первые считали их неспособными без воздействия агитаторов на массовые организованные действия (каковыми им представлялись погромы), а вторые не допускали, что народ, который они считали носителем высших моральных ценностей, способен по своей инициативе устроить кровавые беспорядки.

Оппозиция утверждала, что погромы были организованы правительством или монархическими партиями, одинаково заинтересованными в подавлении революционных выступлений. Этот тезис довольно прочно закрепился в либеральной историографии, в том числе и современной. Так А. Ашер считает «достаточно правдоподобными» представления о том, что погромы 1905 г. «планировались царским правительством», иначе просто нельзя объяснить «такой взрыв ненависти во многих, отдаленных друг от друга регионах огромной страны с временным интервалом всего в несколько дней»⁶⁶. Однако и

⁶³ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1517. – Л. 10 об. – 24 об., 33.

⁶⁴ Цит. по: Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. – Санкт-Петербург: Хорс, 1992. – С. 239.

⁶⁵ Ашер А. Погромы 1905 року: самочинність, чи заплановане насильство? – С. 187.

⁶⁶ Ашер А. Погромы 1905 року: самочинність, чи заплановане насильство? – С. 185.

он вынужден признать, что доказательств этой версии не существует⁶⁷. Утверждения ряда исследователей об организации погромов монархическими партиями так же не выдерживают критики. В октябре 1905 г. произошло 690 погромов в 660 населенных пунктах⁶⁸, а отделы монархических партий к этому времени имелись только в нескольких крупных городах, насчитывая в своих рядах в совокупности не более 2–3 тыс. членов (в подавляющем большинстве представителей цензовых классов). На тот момент они являлись скорее политическими салонами, чем боевыми организациями.

Думается, правильное всего причину погромов определила либеральная газета «Клязьма», спустя два с половиной месяца после кровавых событий написавшая следующее:

Все так называемые черносотенные движения и погромы второй половины октября были вызваны тем, что одни понимали манифест 17-го октября в смысле дарования конституции и, стало быть, отмены самодержавия, другие... держались противоположного мнения⁶⁹.

Правый журнал «Мирный труд» так выразил свою точку зрения:

Слишком дружно, слишком стихийно разразились события по опубликовании Манифеста 17 октября, чтобы здесь можно было признать злонамеренное подстрекательство темной толпы или подкуп, тем более, что Манифест явился неожиданностью⁷⁰.

Думается, в России в октябре 1905 г. ни растерявшееся правительство, ни малочисленные монархические партии не были способны вывести на улицы сотен населенных пунктов десятки тысяч человек и организовать их на решительные действия.

Во Владимирской же губернии в октябре 1905 г. вообще не существовало монархических организаций. Комитет ИВСМП в январе 1906 г. выступил с разъяснениями, указав, что еврейский погром был в городе 22 октября, а «партия же Самодержавно-монархическая начала лишь сорганизовываться с 18 декабря и сорганизовалась окончательно лишь 23 декабря, то есть ровно два месяца спустя». «Отсюда ясно, – утверждали члены Комитета, – что самодержавно-Монархическая партия в погроме евреев никакого участия принимать не могла, ни активного, ни пассивного». Более того, главной

⁶⁷ Ашер А. Погромы 1905 року: самочинність, чи заплановане насильство? – С. 194.

⁶⁸ Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX в. – С. 109.

⁶⁹ Клязьма. – 1906. – 8 января. – № 6.

⁷⁰ Р.Е. Современные впечатления // Мирный труд. – 1905. – № 9. – С. 215.

причиной создания ИВСМП, по словам членов Комитета, стало нежелание ее учредителей оставаться «равнодушными зрителями произвола и насилия, происходящих по Руси и, в частности, в Иваново-Вознесенске». Целью же партии было объявлено мирное противодействие политическому насилию «путем разумного, душевного слова-вразумления»⁷¹.

Свою непричастность к погромам октября 1905 г. подчеркивал и Владимирский отдел СРН, созданный 14 февраля 1906 г.⁷² «Владимирский край», выполнявший функцию его печатного органа, писал:

Что касается усердно распускаемой «левыми» клеветы, по которой Союз обвиняется в организации погромов, то об ней неоднократно говорилось на страницах «Владимирского края»: никаких погромов Союз никогда не организовывал... самый Союз возник уже после первых еврейских погромов!

Газета утверждала, что

Союз признает лишь оборонительную тактику и всегда заявляет, что против жестокостей революционеров он борется всеми силами; но Союз не совершал никогда ни одного акта насилия наступательно... Напротив, Союз до настоящего времени сдерживал и сдерживает гнев русского народа, против организаций, посягающих на его исторические права и преобладающую роль в стране (хотя бы только de jure!)

Автор этой заметки, дабы уверить читателя в своей беспристрастности, подчеркнул, что сам он придерживается программы Союза 17 Октября и верит, «что правда о «Союзе Русского народа», которую так старательно скрывает левая-буржуазно-либеральная печать, рано или поздно обнаружится»⁷³.

Спустя много лет известный правый деятель В.В. Шульгин признал косвенную вину монархистов за антиеврейские выступления:

...в той мере, в какой наша антисемитская деятельность могла вызвать эксцессы, носившие название погромов, мы, которых называют черносотенцами, несем за это моральную ответственность, потому, что наши газетные статьи и речи, падавшие в массы, для людей недостаточно развитых, являлись подстрекательством к погромам⁷⁴.

⁷¹ Клязьма. – 1906. – 19 января. – № 17.

⁷² ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 4. – Д. 2797. – Л. 3, 3 об.

⁷³ Владимирский край. – 1906. – 6 декабря. – № 28.

⁷⁴ Репников А. В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ / предисловие, вступительная статья, комментарии А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. – 2003. – № 4. – С. 85.

(Правда, это признание сделано на допросе в СМЕРШе в 1945 г., поэтому его «чистосердечность» вызывает определенные сомнения.) Современный американский исследователь Д. Роусон практически дословно повторил эту мысль, заявив, что, хотя правые «экстремисты» порой и организовывали единичные нападения на евреев, но все же гораздо чаще они действовали «посредством подстрекательской риторики» и несут ответственность за погромы лишь в этом смысле⁷⁵.

После прекращения октябрьских погромов атмосфера в городах Владимирской губернии еще долго оставалась достаточно взрывоопасной. Для новой вспышки насилия достаточно было малейшего повода. Так 16-го ноября 1905 г. в Иваново-Вознесенске была убита революционерка, член РСДРП О.М. Генкина, в багаже которой оказалось 10 револьверов «Смит и Вессон» и 400 патронов к ним. Полиция и даже срочно вызванные казаки оказались бессильны перед «толпой разъяренных рабочих», узнавших, что О.М. Генкина к тому же и еврейка (ее отец происходил из крещеных евреев). Ее растерзали на станционных путях. Бывшую с ней А. Князеву избили до полусмерти. Полиции с трудом удалось вырвать из рук толпы и господина «еврейского типа», в котором рабочие узнали революционного агитатора, ранее раздававшего прокламации⁷⁶. Еще один кровавый инцидент произошел в с. Ундол Владимирского уезда в ночь с 28-го на 29-е ноября. Приехавший сюда для ведения агитационной работы член РСДРП М.И. Лакин был убит рабочими фабрики Р. Бажанова за призывы к свержению самодержавия. При этом рабочие заявляли, что «не грех убить всякого идущего против Царя»⁷⁷. П.И. Лебедев-Полянский вспоминал, что и его в ноябре 1905 г. «чуть не убили во время митинга в ближайшем селе Ундоле»⁷⁸. Характерно, что оба уголовных дела об убийствах О.М. Генкиной и М.И. Лакина были закрыты «за необнаружением виновных».

В дальнейшем подобные инциденты с кровавыми последствиями исчезли из сводок местной полиции, уступив место более умеренным проявлениям «верноподданных чувств» консервативно настроенного населения. Однако губернские либералы регулярно использовали тему погромов, которые якобы планировались «черной сотней» для устрашения обывателя. В самом начале

⁷⁵ Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 228.

⁷⁶ Московские ведомости. – 1905. – 22 ноября. – № 308.

⁷⁷ Рубанков К.С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). – С. 58.

⁷⁸ П.И. Лебедев-Полянский: автобиография // Литературное наследство. Том 55: В.Г. Белинский / под редакцией П.И. Лебедева-Полянского, И.С. Зильберштейна, С.А. Макашина. – Москва: АН СССР, 1948. – Т. 55. – С. 580.

1906 г. крестьяне деревни Матвеевка Судогодского уезда разгромили усадьбу одного из лидеров кадетов А.П. Грессера. Аграрные беспорядки, которые еще один кадет, М.Я. Герценштейн, предпочитал называть «иллюминациями», никак не были связаны с монархическим движением. Однако А.П. Грессер через газету попытался обвинить в этом именно монархистов, являвшихся его политическими противниками. В статье с характерным названием «Новый подвиг Черной сотни. Письмо из деревни» он писал:

Я открыто заявляю, что никакого аграрного характера произведенный в моем имении погром не имел, и что я нисколько не виню моих соседей крестьян сельца Матвеевки, так как они действовали спьяна и бессознательно. Я обвиняю лишь тех, которые явились явными и тайными подстрекателями и провокаторами, т. е. представителей «Черной сотни»⁷⁹.

В марте 1906 г. оппозиция получила еще один повод для обвинения монархистов в призывах к погромам: Шуйский Союз русских православных людей «с разрешения вице-губернатора» распространил в Иваново-Вознесенске листовки, содержащие «Гимн за Царя», в котором были и такие строки:

И твердо, и смело, и здраво
Сметем все, что против Царя!
За дело же братья, за дело!
Господь нам поможет всегда!

По мнению газеты,

полиции следовало бы теперь прекратить распространение подобных листовок и изъять их из продажи, в противном же случае, если «русские люди опять встряхнутся, станут здраво сметать все», то у нас создастся опять нечто вроде погрома⁸⁰.

Пик сообщений оппозиционной прессы о якобы готовившихся погромах пришелся на вторую половину лета 1906 г. Так, ультраправая московская газета «Вече» в номере от 6 июля сообщала о распространявшихся «Народным делом» слухах о том, что в Коврове «черносотенцы» собираются «пересчитать ребра» местным кадетам и что «для этого будто-то бы собираются деньги каким-то С-вым»⁸¹. Подобные слухи циркулировали и в Гороховце. Корреспондент

⁷⁹ Клязьма. – 1906. – 2 января. – № 1.

⁸⁰ Клязьма. – 1906. – 24 марта. – № 78.

⁸¹ Вече. – 1906. – 6 июля. – № 33.

«Владимирца» писал, что «волна погромного движения долетела и до нашего городка, затерявшегося среди дремучих лесов». Далее автор сообщал, что погром был назначен на 20-е июля – «в этот день в город приносится икона из Флорищевой пустыни. На встречу ее приходит много крестьян. Этой темной массой очевидно и хотели воспользоваться погромщики». «Но, – с некоторым сожалением констатирует корреспондент, – почему-то погром не состоялся. Был ли то приказ свыше, или какие другие соображения помешали погрому – не известно»⁸².

В конце июля «Владимирец» сообщил о посещении Шуи «известным ярославским черносотенным монахом Илиодором», который останавливался у «известного в Шуйе черносотенного вождя, председателя «союза православных русских людей» Петрова. Газета продолжала:

Никто не верит, чтобы монах приезжал только пожать руку благородному г. Петрову. Невольно родилась мысль о возможности после этого какой-нибудь провокации, а за нею и погрома⁸³.

В начале августа 1906 г. газета вновь возвращается к этой теме, сообщая о подготовке шуйских монархистов к решительным действиям.

27 и 28 июля в городе усиленно носились слухи о погроме. По случаю местного праздника в этот день бывает тысячный ход по всему городу. Фабрики не работают, из окрестных деревень на ярмарку стекается масса крестьян, после полудня начинается пьянство – вот самая привлекательная обстановка изо всей погромной практики.

Причем на этот раз «Владимирец» подчеркнул, что «слухи, обычно циркулирующие у нас перед всеми большими праздниками, оставались до сих пор только слухами, тогда как в этот раз усиленная деятельность «истинно-русских людей», конспирация, подозрительные личности, давали более веские основания для предполагаемого выступления». Местный исправник 27-го июля поздно вечером заверил пришедшую к нему депутацию от рабочих, «что им будут приняты соответствующие меры». На следующий день крестный ход сопровождали «около 20 казаков и стражников, вместо обычных 6–8». Все прошло спокойно, «среди самой разношерстной публики не наблюдалось никаких погромных тенденций». «Слухи оказались ложными», – признал «Владимирец»⁸⁴.

⁸² Владимирец. – 1906. – 2 августа. – № 6.

⁸³ Владимирец. – 1906. – 29 июля. – № 3.

⁸⁴ Владимирец. – 1906. – 2 августа. – № 6.

Однако вечером того же дня около 17-ти часов спокойствие в Шуе было нарушено: «возле земского приемного покоя разыгрался трагический инцидент». Некий Н. Осинкин (возможно, большевик А.А. Осинкин. – *И. О.*)

вследствие неосторожного обращения с револьвером произвел выстрел. В это время городской около этого места вез пьяного. Услышав выстрел, он слез с извозчика и намеревался обыскать стрелявшего; тогда тот произвел два выстрела. Городовой упал... Стрелявший же ускоряя шаг побежал. Его стали нагонять. Угрожая револьвером, он задержал преследовавших, но отбежав на незначительное расстояние, споткнулся и упал.

Далее по выражению газеты, последовала «душу раздирающая» картина: «Черносотенная ватага во главе с кожевником Киселевым начала дикий самосуд. Били без разбору, били куда попало, били насколько хватало силы». Лишь подоспевшая полиция смогла прекратить избиение, арестовав Н. Осинкина⁸⁵.

За описаниями жестокого избиения Н. Осинкина как-то затерялся раненый полицейский. Газета упомянула о нем лишь одним предложением – «городовой ранен тяжело в руку и правое легкое», не высказав при этом ни сочувствия раненому, ни возмущения действиями стрелявшего. Более того, действия последнего газета даже оправдывала, полагая, что Н. Осинкин «находился в состоянии крайнего возбуждения и действовал, очевидно, неумышленно, подчиняясь моменту». Преступниками же «Владимирец» считал только «черносотенцев», которые при задержании избили стрелявшего: «Надо полагать, что судебные власти примут меры против повторения подобных фактов и привлекут Киселева и компанию к суду»⁸⁶. Н. Осинкин менее чем через два месяца сбежал из тюрьмы⁸⁷, однако июльский инцидент оппозиция вспоминала еще долго. В октябре «Владимирец» на своих страницах опубликовал пьесу-фантазию под названием «Представление патриотов Реакции». Вот небольшой отрывок из нее:

Входит Киселев.

Реакция:

Я слышала о Вас, вы кажется в июле...

Киселев:

Осинкина до полусмерти вздули,
Не пожалели кулаков!

⁸⁵ Владимирец. – 1906. – 2 августа. – № 6.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Владимирец. – 1906. – 30 сентября. – № 51.

Хоша и не устроили погрома,
Зато уж этого так просто под сафьян
Разделали...⁸⁸

Как видим, ни один из анонсируемых оппозиционной печатью погромов во Владимирской губернии так и не состоялся (избиение при задержании стрелявшего в полицейского революционера Н. Осинкина вряд ли можно отнести к погромам). При этом сами монархисты, опровергая слухи о готовящихся погромах, в то же время не отрицали возможность их возникновения в случае активных выступлений революционных сил. Так, в октябре 1906 г. «Вече» опубликовало адресованную ярославскому губернатору телеграмму ИВСМП, в которой, в частности, говорилось:

Возмущаясь подлыми поступками рабочих Ярославской Большой мануфактуры с рабочими-членами Союза Русского Народа, Иваново-Вознесенские рабочие предупреждают Ваше Превосходительство, что если не будут приняты решительные меры в их защиту, то Ивановцы явятся в Ярославль лично защищать своих союзников от насильства⁸⁹.

Несколько позже «Ивановский листок» писал:

Мы безусловно уверены, что монархисты никакого погрома не учинят, конечно, если только не будет сделано вызова со стороны красной сотни. Надеемся, что последняя будет благоразумна⁹⁰.

Однако дальше грозных заявлений и отправки телеграмм дело не доходило.

К концу 1906 г. силовое противостояние «черносотенцев» и оппозиции во Владимирской губернии практически затихло. После создания правых организаций монархисты получили возможность легально вести политическую борьбу со своими оппонентами. Сыграл свою роль и спад революционного движения, явственно обозначившийся с лета 1906 г., а также решительная позиция властей. 26-го февраля 1906 г. Владимирский губернатор направил полицейским властям на местах циркуляр следующего содержания:

До сведения моего дошло, что в местах наибольшего скопления еврейского населения замечается враждебное к нему настроение прочих частей населения. Вследствие сего настоятельно предписываю полицмейстерам и

⁸⁸ Владимирец. – 1906. – 8 октября. – № 57.

⁸⁹ Вече. – 1906. – 12 октября. – № 73.

⁹⁰ Ивановский листок. – 1907. – 14 апреля. – № 85.

уездным исправникам принять решительные меры к предотвращению могущих возникнуть на указанной почве беспорядков...⁹¹

4-го июня последовало еще одно распоряжение:

Во избежание погромов и ввиду происшествий в г. Белостоке⁹² поставляю в известность Уездные съезды, Земских начальников, Полицмейстеров и Уездных исправников, что Министр Внутренних дел ожидает от них самоотверженного исполнения лежащих на них обязанностей. Всякие погромы, как аграрные, так и еврейские должны предупреждаться, а в случае возникновения пресекаться самым решительным образом⁹³.

В декабре 1906 г. «Владимирец» с деланным удивлением сообщал, что освящение «черносотенного знамени» в соседней Шуе «прошло спокойно, несмотря на присутствие «делегатов» от ивановских погромщиков и даже на то, что молебен был устроен перед самым входом в пивную лавку»⁹⁴. А в феврале 1907 г. газета вынуждена была признать:

Черные тучи, висевшие над Ивановом несколько месяцев тому назад, рассеялись. О погромах понемногу начинают забывать⁹⁵.

Тем не менее, незначительные политические эксцессы между правыми и их оппонентами в различных населенных пунктах Владимирской губернии в 1906 г. все же случались. Так, с обеих сторон стало популярным уничтожение печатной продукции своих политических противников. В январе 1906 г. «Клязьма» сообщала, что иваново-вознесенские монархисты «пришли к заключению, что в «смуте» виноваты газеты» и «решили изгнать из розничной продажи все прогрессивные газеты». Первой жертвой стал ярославский «Северный край»:

Лишь только окончилась вторая железнодорожная забастовка, и в Иванове первым явился из Ярославля печатный газетный лист, как его уже поджидала «черная сотня», в один миг уничтожившая газету. На другой день повторилось то же самое. Толпа на вокзале сожгла все номера. Пытавшийся было защитить свою собственность агент газеты, чуть не был изувечен и

⁹¹ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1871. – Л. 6.

⁹² В июне 1906 г. в Белостоке (Гродненская губерния) произошел еврейский погром, жертвами которого стали несколько десятков человек. – *Прим. автора.*

⁹³ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1871. – Л. 8.

⁹⁴ Владимирец. – 1906. – 21 декабря. – № 116.

⁹⁵ Владимирец. – 1907. – 23 февраля. – № 42.

получил угрозы, что ему несдобровать, что доберутся и до его квартиры. Вследствие этого редакция «Северного края» вынуждена была перед рождественскими праздниками закрыть в Иваново-Вознесенске свое отделение, а корреспондента отозвать обратно⁹⁶.

В начале февраля «Клязьма» вновь забила тревогу. Поводом стали «безобразные черносотенные выходы ивановских извозчиков», а именно –

городским продавцам и разносчикам они положительно не давали проходу... а разносчикам прогрессивных журналов и газет они не только позволяли делать угрозы, но и допускали неоднократно произвольные насилия, вырывая, например, у них из рук газеты и уничтожая их⁹⁷.

После появления правых газет аналогичные акции со стороны оппозиции начались и по отношению к ним. Так, в ноябре 1906 г. только начавшая выходить правая газета «Владимирский край» жаловалась, что «рабочие Ковровских мастерских запретили председателю ковровского отдела Союза русского народа рабочему Жаворонкову, раздавать издания Союза, хотя издания эти никакого призыва к насилию, вражде и разорению не содержали». А во Владимире

на Большой улице к мальчику, продававшему нашу газету, подошел неизвестный негодяй в очках и, вырвав из рук мальчика продаваемые им №№ газеты, разорвал их, не заплатив их стоимости⁹⁸.

Случались и прямые столкновения монархистов и их оппонентов. Но их количество исчислялось единицами. Оппозиционная пресса сообщает лишь о четырех случаях насилия со стороны правых за весь 1906 год. Причем три из них произошли в Иваново-Вознесенске – городе, в то время, в силу различных причин, в первую очередь социальных, отличавшемся неблагоприятной криминогенной обстановкой.

В Иваново-Вознесенске 18-го января 1906 г. в лавке мясника Ноздрева приказчики избили обывателя, сорвавшего висевшее в лавке объявление Самодержавно-монархической партии⁹⁹. В мае в городе произошло сразу два инцидента. В первом случае «черной сотней при участии двух городских около ресторана Шахова бесчеловечно избиты 6 интеллигентов – учителей и

⁹⁶ Клязьма. – 1906. – 14 января. – № 12.

⁹⁷ Клязьма. – 1906. – 6 февраля. – № 34.

⁹⁸ Владимирский край. – 1906. – 29 ноября. – № 22.

⁹⁹ Клязьма. – 1906. – 30 января. – № 28.

студентов». По сообщению «Клязьмы», «эта интеллигентная компания зашла в ресторан поужинать», где «они засиделись до 12 часа ночи, до времени его закрытия», а выйдя из трактира

расходившиеся посетители тихо и спокойно запели «Марсельезу». Этого было достаточно, чтобы еще более озлить патриотов извозчиков и охранителей-городовых. Они напали на выходящих людей и стали их бить¹⁰⁰.

Во втором случае поводом для ссоры стало слово «товарищи», обращенное к рабочим-монархистам. Вот как этот инцидент описала «Клязьма»:

На окраине города на лужайке собрались несколько человек рабочих, пели песни. Проходивший мимо мужичок становился и сказал:

– Товарищи, что так поете... идем выпьем что-ль пивка!

Русские люди придрались.

– Мы тебе дадим «товарищи». Какие там еще «товарищи»... у нас есть «братие».

Мужичок не послушался их и получил несколько сильных ударов.

Правда и «Клязьма» признавала, что «о новых насилиях из-за этого [слова «товарищи». – *И. О.*] со стороны черной сотни пока не слышно: по-видимому, и она стала сознавать, что избивать людей за такое слово по меньшей мере глупо»¹⁰¹.

Четвертый инцидент произошел в Переславле-Залесском 21-го апреля 1906 г.:

В Большом трактире подвергся избиению черносотенцем, мелким торговцем Степаном Ильичевым только что приехавший в Переславль С.М. Бубнов. Преступление г. Бубнова заключалось в том, что он, не зная наших нравов, осмелился у нас рассуждать о политике. Его рассуждения были признаны вредными разносчиком газет, мелким торговцем Степаном Ильичевым. Этот «патриот» вместе с другим черносотенцем-хулиганом, каким-то шорником, и учинил над С.М. гнусную расправу, после которой г. Бубнова прямо из трактира увезли в больницу.

Газета добавляла, что «это уже второй случай расправы учиняемой Степаном Ильичевым. Первая расправа была учинена над письмоводителем податного инспектора»¹⁰². И хотя, по сведениям «Владимирца», С. Ильичев

¹⁰⁰ Клязьма. – 1906. – 13 мая. – № 120.

¹⁰¹ Клязьма. – 1906. – 14 мая. – № 121.

¹⁰² Клязьма. – 1906. – 27 апреля. – № 106

«является протезе, почти другом местного исправника г. Тихомирова», все же и он, и его поделщик были приговорены к двум месяцам тюрьмы за избиение С.М. Бубнова¹⁰³.

В 1907 г. пресса сообщила только об одном инциденте, виновником которого являлись правые. Правда, по форме он скорее напоминал бытовую ссору, нежели политический конфликт. 14-го мая 1907 г. в Иваново-Вознесенске члены ИВСМП Шохнин, Суслов, Балакирев и Монакин «пошли в пивную у каменного моста», где «беседа о местных делах» постепенно, под воздействием алкоголя перешла «на политику». О дальнейшем корреспондент «Владимирца» сообщил следующее:

В то время как один из «монархистов» ораторствовал об Японии, вошел один плотник и сел за другой стол. Долго он слушал, что говорил «монархист», но когда дело дошло до войны с Японией, то плотник заметил: «На войне было убито 90000 дураков, а 5000 умных остались живы». Патриоты возмутились этим, и Шохнин, Суслов и Сипатр [так в тексте. – *И. О.*] начали бить плотника, последний еле вырвался и поспешил удрать. Страсти разгорелись, и они хотели прибить еще одного, тот оказался сильнее их, и они поспешили благородно ретироваться¹⁰⁴.

Зато оппозиция за 1907 г. трижды отметилась противоправными действиями по отношению к монархистам. В Коврове

5 сего января член союза русского народа П.А. Кудряков подвергся избиению со стороны подмастерьев фабрики Треумова, двоих из сознательных, есть свидетели; делу дан законный ход, потерпевший помещен в больницу, –

писал «Владимирский край»¹⁰⁵. Несколько позже «Ковровские вести» сообщили, что в Муроме «председатель союза, земский начальник Карачаровской волости уже поплатился за вступление в этот союз: у него кем-то разбиты в квартире стекла в окнах»¹⁰⁶. В апреле в Иваново-Вознесенске, по сообщению «Ивановского листка»,

один монархист С-ов получил по почте письмо, в котором неизвестный автор, именующий себя членом боевой организации, от имени главного революционного комитета, просит монархиста выписаться из монархической партии, в противном случае угрожает смертью. Письмо заканчивается

¹⁰³ Клязьма. – 1906. – 26 мая. – № 130.

¹⁰⁴ Владимирец. – 1907. – 27 мая. – № 113.

¹⁰⁵ Владимирский край. – 1907. – 26 января. – № 21.

¹⁰⁶ Ковровские вести. – 1907. – 28 января. – № 7.

словами: Если Вы не исполните просьбу, то будете убиты, а труп Ваш будет растерзан на куски.

Монархисты в долгу не остались, заявив, что «за каждого убитого революционером монархиста по меньшей мере будет уничтожено 5 революционеров»¹⁰⁷. По-видимому, обе стороны и не собирались выходить за рамки газетной полемики, но тон «дискуссии» показателен.

В 1908 г. провокации против монархистов продолжились. 14-го июня, как сообщала ярославская правая газета «Русский народ», в Александрове

на возвращавшегося с пожара члена совета Александровского СРН П.А. Удальцова было совершено нападение. К нему подошел служащий в местном казначействе писец Тиханов и со словами: «А, союзники, вы за ... (последовало бранное выражение по отношению к Государю Императору) стойте!», нанес Удальцову удар по лицу каким-то тяжелым орудием; удар причинил внутреннее повреждение хрящей, вызвавшее сильное кровотечение из носа и горла, не поддающееся усилиям врачей. Исход поранения пока еще определить невозможно.

Газета подчеркивала, что «Удальцов – один из наиболее деятельных членов Отдела, служит бухгалтером в Александровском казначействе», а напавший на него писец Тиханов был принят на службу в то же казначейство «по усиленной рекомендации одного из представителей Александровского судебного мира»¹⁰⁸. Спустя месяц «Русский народ» успокоил читателей: «Здоровье Удальцова восстановилось»¹⁰⁹.

В октябре жертвой нападения стал председатель Шуйского Союза русских православных людей М.К. Петров.

Негодяи избили безоружного до полусмерти, после чего все скрылись <...> Это покушение уже третье. Полиция, как водится, не могла разыскать разбойников, а если разыщет, то гуманный суд незамедлительно выручит крамольников. Да крамольникам на Руси живется лучше, чем людям, стоящим за Веру, Царя и Отечество,

– сообщало «Русское знамя»¹¹⁰.

С 1909 г. сведения о столкновениях на политической почве в периодической печати уже не встречаются.

¹⁰⁷ Ивановский листок. – 1907. – 8 апреля. – № 80.

¹⁰⁸ Русский народ. – 1908. – 16 июля. – № 351.

¹⁰⁹ Русский народ. – 1908. – 12 августа. – № 370.

¹¹⁰ Русское знамя. – 1908. – 31 октября. – № 245.

Заключение

Нарастание революционного кризиса осенью 1905 г. способствовало политической поляризации населения, разделив его на два враждебных лагеря – консервативный и революционный. Кровавые столкновения между ними спровоцировал Манифест 17 октября, воспринятый одной стороной как сигнал к последнему штурму самодержавия, а другой – как призыв к защите его последнего бастиона. Версия оппозиции об организации правительством погромов октября 1905 г. не выдерживает критики, так как царский манифест для местных властей явился полной неожиданностью, повергшей их в состояние растерянности.

Точно так же не имеет под собой оснований и утверждение об организации погромов монархическими партиями, так как в октябре 1905 г. во Владимирской губернии их просто не существовало. Скорее наоборот (как это и утверждали сами монархисты), создание правых партий способствовало прекращению силовых столкновений оппозиции с консервативно настроенным населением, так как последнее получило возможность отстаивать свою политическую линию легальными средствами. После возникновения монархических организаций политическое насилие в губернии постепенно сходит на нет, ответственность же за немногочисленные (и по счастью бескровные) столкновения монархистов и оппозиционных сил, имевшие место в 1906–1908 гг., в равной степени несут обе стороны.

Introduction

The topic of right-wing terror (Jewish pogroms in October 1905 and subsequent clashes between the supporters and the opponents of autocracy) still retains its socio-political acuteness. The question of who is responsible for what happened has not yet received an unambiguous answer. Some of the pre-revolutionary researchers argued that the street clashes were spontaneous,¹ while others (significantly exceeding the first group in number) insisted that the pogroms were organized by the authorities and monarchical parties, which are responsible for the bloodshed.² In particular,

¹ See, e.g., S.S. Ol'denburg, *Reign of Emperor Nicholas II* [in Russian] (Moscow: Terra, 1992).

² Ya. Borisov, *Who needs pogroms?* [in Russian] (St Petersburg: Drug naroda, 1906); V. Levitskii, "Right-wing parties" [in Russian], in *Social movement in Russia at the beginning of*

expressing the revolutionary position of his party, the Social Democrat E. Maevskii (V.A. Gutovskii), one of the authors of the scientifically significant four-volume publication *Social Movement in Russia at the Beginning of the 20th Century*, argued that

throughout 1905, an invisible hand here and there labored diligently in order to organize the reactionary forces and direct them against the liberation movement.³

Liberal historiography also insisted on the widespread use of terror by the monarchists in subsequent years.⁴

In the 1920s and 1930s, Soviet historiography repeated these statements in general for ideological reasons.⁵ Even certain liberalization concerning studies of the history of political parties and movements which outlined itself in the second half of the 1960s did not fundamentally change the well-established interpretations.⁶ Only deideologization of historical science that followed in the 1990s allowed scholars to move away from the stereotypes prevailing in the study of the pogroms of the autumn of 1905. However, in modern historiography there are some studies which continue this pre-revolutionary dispute. Some historians still admit the organized nature of the pogroms and emphasize the importance of their ethnic component.⁷ Other authors totally deny the role of the government and monarchist (Black-Hundred) parties in this process and focus primarily on the counterrevolutionary rather than ethno-

the 20th century, vol. 3, pt. 5, *Parties, their composition, development, and manifestation in mass movement, at the elections and in the Duma*, ed. L. Martov, P. Maslov, and A. Potresov (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya Pol'za", 1914), 347–469; *Pogroms and pogrom-makers: 1. About the Black Hundred. 2. In the State Duma: speeches of the minister of internal affairs [P.A. Stolypin] and a member of the Duma, Prince Urusov* [in Russian] (Nizhny Novgorod: Tipografiya I.M. Gets, 1906; et al.

³ Evg. Maevskii, "The general picture of the movement" [in Russian], in *Social movement in Russia at the beginning of the 20th century*, vol. 2, pt. 1, ed. L. Martov, P. Maslov and A. Potresov (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya Pol'za", 1909), 97.

⁴ See, e.g., Levitskii, "Right-wing parties", 437–38.

⁵ A.E. Evgen'ev [Kaufman], *Tsarist pogrom-makers* [in Russian] (Peterburg: Atenei, 1919); V. Zalezhskii, *Monarchists* [in Russian] (Kharkov: Proletarii, 1929); et al.

⁶ A.Ya. Avrekh, *Tsarism and the system of June 3* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1966); L.M. Spirin, *The collapse of the landowner and bourgeois parties in Russia (early 20th century – 1920)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1977).

⁷ See, e.g., D.I. Raskin, "Ideology of the right-wing Russian radicalism in the late 19th – early 20th centuries" [in Russian], in *The national Right in the past and nowadays. Historical and sociological essays*, pt. 1, *Russia and the Russian diaspora*, ed. R.Sh. Ganelin (St Petersburg: Institut sotsiologii RAN, 1992), 5–46.

confessional motives of the pogrom-makers, pointing out that the scale of right-wing terror was hundredfold (!) less than revolutionary terror.⁸

It is characteristic that foreign historiography has not come to a consolidated opinion on this issue either. For instance, W. Laqueur, a researcher from the United States, tells point-blank that the right-wing parties participated in pogroms and numerous political assassinations and insists on the existence of fascist potential in the “Black-Hundred” ideology.⁹ His compatriot A. Asher is more cautious. Speaking about the events of October 1905, he admits “planned violence” on the part of the authorities.¹⁰ At the same time, the team of authors at the University of Cambridge completely denies this possibility.¹¹ American historian Don C. Rawson also believes that, legally speaking, monarchist parties cannot be held responsible for the 1905 pogroms.¹²

While the authors mentioned above considered the pogroms through the prism of studying the right movement as a whole, very thorough generalizing studies devoted directly to the street confrontation in October 1905¹³ appeared in the 21st century. (By the way, both authors deny any role of the government or the monarchist parties in the pogroms).¹⁴ However, at the regional level, most works only touch upon this problem as one of the storylines in the history of the monarchist movement¹⁵ or

⁸ S.A. Stepanov, *The Black Hundred in Russia (1905–1914)* [in Russian] (Moscow: AO Rosvuznauka, 1992); S.A. Stepanov, *The Black Hundred* [in Russian] (Moscow: EKSMO: Yauza, 2005); V.V. Kozhinov, *Mysterious pages of the history of the 20th century* [in Russian] (Moscow: Prima V, 1995); Yu.I. Kir'yanov, *Right-wing parties in Russia. 1911–1917* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2001).

⁹ W. Laqueur, *Black Hundred: the rise of the extreme right in Russia* (New York: HarperCollins, 1993); Russian edition: U. Laker, *Black Hundred. The origin of Russian fascism* [in Russian] (Moscow: Tekst, 1994).

¹⁰ A. Asher, “The pogroms of 1905: arbitrary rule or planned violence?” [in Ukrainian], *Filosofs'ka i sotsiologichna dumka*, no. 5–6 (1994): 185–94.

¹¹ John D. Klier and Shlomo Lambroza, eds., *Pogroms: anti-Jewish violence in modern Russian history* (New York: Cambridge University Press, 1992).

¹² Don C. Rawson, *Russian rightists and the Revolution of 1905* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).

¹³ T.A. Shukshina, *Black Hundred pogroms of October 1905 in Russia: cultural conflict in Russian society at the beginning of the 20th century* [in Russian] (PhD diss., South Ural State University, 2010); G.R. Kuznetsov, *Revolutionary struggle and pogroms during the First Russian Revolution of 1905–1907* [in Russian] (PhD thesis, Moscow State University, 2011).

¹⁴ Kuznetsov, *Revolutionary struggle and pogroms*, 23; Shukshina, *Black Hundred pogroms of October 1905*, 24.

¹⁵ S.V. Lavrikov, *The right-monarchist movement in Tver Governorate (1905–1915)* [in Russian] (PhD diss., Tver State University, 1996); K.S. Rubankov, *The right-wing monarchist movement in the Russian province. 1905 – February 1917 (based on the materials of Vladimir and Kostroma governorates)* [in Russian] (PhD diss., Kostroma State University, 2007).

political terrorism in general.¹⁶ Thus, despite the existence of a significant body of literature touching upon the bloody events of October 1905 in more or less detail both at the all-Russian and at the regional level, there are no special works on the pogroms in Vladimir Governorate. This article aims to fill this gap in historiography.

Main body

The growing revolutionary crisis in the summer and autumn of 1905 drew supporters of autocracy into the political process and marked the beginning of consolidation of the conservative camp, the social base of which in Vladimir Governorate was formed by the urban lower classes – petty bourgeoisie and workers. During the year of revolutionary confrontation, the standard of living of these social strata fell noticeably (due to the loss of earnings during strikes, decrease in the purchasing power of the population, etc.), which became the economic basis for counterrevolutionary sentiments in this environment. Finding themselves on the brink of starvation due to the cessation of payment of wages and lack of savings, part of the factory proletariat opposed the strikes and demanded the resumption of work. For example, in the summer of 1905 the workers of the Dyakonov plant in Ivanovo-Voznesensk refused to stop work at the request of alien agitators and even intended to “beat” them.¹⁷

Police reports of that period documented an increase in the degree of conflict in the political process. V. Popov, one of the residents of Ivanovo-Voznesensk, petitioned the head of the governorate for the acquisition of 2 thousand revolvers by the inhabitants “for self-defense” against the revolutionaries.¹⁸ In Murom, on the other hand, the workers of the Valenkov plant manufactured iron rods “to defend themselves against the threatening residents.”¹⁹

By October, the atmosphere had become so tense that any accidental spark could lead to a social explosion. The Manifesto of October 17, 1905 became such a spark. It proclaimed the establishment of the legislative State Duma and granted civil liberties to the population. The supporters of the continuation of the revolution greeted it with hurraing, considering the Manifesto a signal for a decisive assault on the shaken autocracy. The conservatively minded part of the population, tired of revolutionary excesses, went to the streets to demand the restoration of “law and order.” The appearance of two crowds with opposite political convictions (conservative, referred

¹⁶ A.A. Rybkin, *Political terrorism in the province in 1905–1907 (based on materials of Kostroma, Tver and Yaroslavl governorates)* [in Russian] (PhD thesis, Kostroma State University, 2007).

¹⁷ F. 14, op. 4, d. 2622, l. 170. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskoi oblasti [State Archives of Vladimir Oblast] (GAVO), Vladimir, Russia.

¹⁸ GAVO, f. 14, op. 4, d. 2622, l. 6.

¹⁹ GAVO, f. 14, op. 1, d. 1481, l. 3 ob.

to as manifestations and revolutionary, referred to as demonstrations)²⁰ in the streets under the conditions of complete confusion of the local authorities, who had not received proper instructions and did not understand how to act during the “days of freedom” after the publication of the Manifesto, led to bloody clashes which claimed thousands of lives throughout the country.

The information about the Manifesto reached the provincial city of Vladimir on the 18th of October. In the evening of the same day, the representatives of the opposition parties led by the Kadets organized a rally in the premises of the Assembly of the Nobility and the number of participants in the rally exceeded one and a half thousand people. The supporters of autocracy also attended the rally in considerable numbers. While the Kadets were only cautiously proposing to proceed to the exercise of the “freedoms” they had obtained, the speaker from the Russian Social Democratic Labor Party L. Zelikson urged not to believe the tsarist Manifesto, which aroused indignation of the conservative-minded part of the audience. He was followed by Bolshevik P. Lebedev (Polyanskii), exiled to Vladimir under the overt police supervision. After the words “we need a republic!” he unfurled a red banner with the inscription “Down with the autocracy!”²¹ Artemyev, a tailor who was present at the rally, grabbed the banner and was punched by P. Lebedev for that. Another worker joined the fight on Artemyev’s side, “but Lebedev broke free and hid in the halls of the house.” “Sworn attorneys Gvozdev and Kotletsov, the insurance inspector of the provincial zemstvo Malinovskii” and other initiators of the rally followed his example because hearing speeches “disapproving the actions of the government authorities and even of the Monarch himself, “the crowd of workers and merchants began to show extreme dissatisfaction.” Before leaving the rally, V. Gvozdev and A. Kotletsov managed to appoint the time and place of the new meeting.²²

On October 19, a lot of people came to the rally at the People’s House, and some of them were “a little drunk.” According to the police, the mood of the crowd was “against Gvozdev, Kotletsov, Malinovskii and students because of their yesterday’s revolutionary speeches.” When the organizers of the rally found out that, they decided not to attend it at all, and V. Gvozdev even preferred to leave the city. Not without difficulty, chief of Vladimir police Ivanov persuaded those who came to the rally to leave the “indicated persons” alone and to go “to the Assumption Cathedral for a prayer service on the occasion of the reading of the Supreme Manifesto of October 17.” However, on the way, the crowd met “student Lebedev who was

²⁰ The periodicals of that period referred to revolutionary actions as *demonstrations*, and to counterrevolutionary ones as *manifestations*.

²¹ Cited in Rubankov, *The right-wing monarchist movement in the Russian province*, 43.

²² GAVO, f. 981, op. 2, d. 78, l. 1.

passing by, attacked him and began to beat him.” The student was saved due to the intervention of the chief of police who snatched Lebedev out of the hands of the crowd and placed him first “in the guardhouse under the military guard” and then brought him to the hospital. Another part of the crowd “saw two unknown students and rushed after them,” but the students took refuge in the building of the State Bank. To protect the building and the fugitives, the police had to involve a company of the 10th Malorossiiskii Regiment.²³ After that, “all parts of the crowd united into one common mass, which, having a white banner. . . went along the main street singing the national anthem.” Then the crowd sang the anthem at the building of the Officer Assembly of the 10th Little Russia Regiment, “demanded music. . . burned a red banner and moved along Nizhegorodskaya Street with music, singing the anthem and the prayer “O Lord, save Thy people.” The second red banner was burned and exclamations could be heard: “We do not need a constitution. We cannot and will not live without a tsar!” Then the crowd tried to destroy Malinovskii’s apartment (Zhukov’s House, Second Nikolskaya Street), but was dispersed by the efforts of the police officer Drobyshev and the same company of the 10th Little Russia Regiment.

Late in the evening, more than 200 people went to smash A. Kotletsov’s apartment. Not knowing the exact address, they began to “throw stones at all windows” of the three-story building and smashed the windows not only in Kotletsov’s apartment but also in the premises of the Provincial Gendarme Directorate. Then “the crowd moved to Gvozdev’s apartment, where they also broke windows.” But the events did not end there either. “The crowd, consisting mainly of *ragamuffins* [italics added], moved to the brothels in Moskovskaya Street,” where they were dispersed by the troops led by the chief of police but before that they had managed to break windows there.²⁴

In memoirs published in 1930, a contemporary of those events argued that the speech of the governor I. Leontyev was the signal for the pogrom. After a prayer service in the Assumption Cathedral, he urged “to support Father the Tsar” and “to not to listen to troublemakers.”²⁵ Allegedly, the beating of “students, gymnasium students and, in general, everyone who had an ‘intelligent look’” began after that. Eight gymnasium students and seminarians, five students, and even a few minor officials were injured during the day. According to the author of these memoirs, the police did not interfere with the pogrom-makers, and officer Drobyshev even “gave the Black Hundreds vodka.” Chief of police Ivanov allegedly did not intervene in what was happening either. And only when the crowd began “to destroy brothels. . .

²³ GAVO, f. 981, op. 2, d. 78, ll. 1 ob., 2.

²⁴ Ibid.

²⁵ N.Sh., “Black Hundred pogrom in Vladimir in 1905” [in Russian], *Prizyv*, November 2, 1930, GAVO, f. 410, op. 1, d. 564, l. 5.

the authorities immediately stood up for these ‘institutions’ and the company of soldiers they summoned ‘easily dispersed the thugs’.”²⁶

The governor addressed the population only the following day. The notices posted around the city called for “order and calm” among the population, asked to “keep away from participation in criminal actions,” and warned that “persons who dared to break order and violence would be treated according to the law.” At the same time, leaflets were distributed in the city calling for a boycott of the most active pogrom-makers – bathhouse attendant Kulikov, merchants Dvornikov, Goncharov, and Baykusov.²⁷ It should be noted that the latter two subsequently joined the local department of the Union of the Russian People (URP).²⁸

In Ivanovo-Voznesensk, the main events began only on October 22, when “a rally of many thousands was organized” in the city. The demonstrators tried to free the arrestees by force [the document does not specify which ones, but probably those arrested earlier for participation in revolutionary actions, which had continued with varying degrees of intensity in Ivanovo-Voznesensk since the spring of 1905 – *I. O.*], but an attempt to break into the building of the police department was prevented by a platoon of soldiers. However, the right-wing *Ivanovskii listok* claimed that the governor had nevertheless released two of the arrestees, after which

The crowd, demonstratively, singing of revolutionary songs, went. . . to the river Talka. In opposition to this party. . . the monarchist party was organized, which came with a portrait of the Emperor with white and national flags. Both parties met on Sheremetevskaya Street, a fight broke out, and as a result 12 people who were severely beaten were sent to the hospital.²⁹

The liberal *Saryi vladimirets* clarified that two of the victims, Kuvshinov and Oranov, died a few days later. During the clash of the warring parties on the river Talka, a one of the organizers of in the summer strikes, worker F.A. Afanasyev, was killed.³⁰

Moskovskie vedomosti asserted that the reason for the clashes on October 22 was a speech delivered at a rally when the speaker ended his appeal with the words “we do not need a Tsar.” Immediately, the crowd reacted with “murmur and indignation” and its mood changed instantly, “groups of ‘nationalists’ began to be formed at once. . . a portrait of the sovereign and national flags appeared.” The manifestants split up. Some of them went to Posad, “where they met workers who joined them

²⁶ N.Sh., “Black Hundred pogrom in Vladimir in 1905”, GAVO, f. 410, op. 1, d. 564, l. 5.

²⁷ Ibid.

²⁸ *Klyaz'ma*, February 16, 1906.

²⁹ *Ivanovskii listok*, March 14, 1913.

³⁰ *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

everywhere” while on their way to the station, the others met “demonstrators with red flags.” Those of the demonstrators who did not manage to escape were beaten, and the red flags were “torn to shreds.” The prayer service that day was attended by 20–30 thousand people “wearing white bows on their front.”³¹ The number does not look fantastic because the next day, October 23, according to the information of the liberal *Saryi vladimirets*, the prayer service in front of the building of the city council was attended by 40 thousand people.³² It is noteworthy that the entire population of Ivanovo-Voznesensk was about 60 thousand people and about half of them were workers³³ (40 thousand according to the City Duma).³⁴ Though, many peasants from neighboring villages also worked at city factories.

Both the liberal newspaper and the monarchist one agreed that the beatings of revolutionary-minded workers began after the end of the first prayer service. According to *Moskovskie vedomosti*, after the call for “beating yids and intellectuals” was pronounced, the crowd began “to smash Jewish shops” and the houses of “socialists who took part in the demonstrations.”³⁵ *Saryi vladimirets* asserted that only “Jewish shops and apartments”³⁶ were the targets of the pogrom. Bernstein’s store was destroyed first.³⁷ “Almost all [italics added] Jews living in the city, around 20 families at that time” were attacked, even the famous Singer company took a beating, apparently for the Jewish surname of its founder. The pogrom continued on October 24 and 25; “the monarchists beat parties holding red flags, and some people were killed.”³⁸ Only on October 27 the city became relatively calm. *Saryi vladimirets* did not mention any victims among the Jews but indicated the amount of damage from the pogrom, which amounted to more than 160,000 rubles.³⁹

The Ivanovo-Voznesensk Jews got off only with material losses, but the workers who went on strike, and especially the agitators and (elected) deputies had a really tough time. *Ivanovskii listok* reported that “not only Jews, but also Russians, former deputies from factory workers, were victims of pogroms.”⁴⁰ According to *Moskovskie vedomosti*, on October 24, the workers who belonged to the Russian Social Democratic Labor Party terminated the strike and returned to their factories where

³¹ *Moskovskie vedomosti*, October 30, 1905.

³² *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

³³ *Soviet historical encyclopedia* [in Russian], vol. 5, ed. E.M. Zhukov (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964), col. 738.

³⁴ GAVO, f. 14, op. 5, d. 1434, l. 63.

³⁵ *Moskovskie vedomosti*, October 30, 1905.

³⁶ *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Ivanovskii listok*, March 14, 1913.

³⁹ *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

⁴⁰ *Ivanovskii listok*, March 15, 1913.

they were “beaten into unconsciousness” by the monarchist workers.⁴¹ *Saryi vladimirets* claimed that “from October 22 to October 26, the crowd beat up individual workers marked by their participation in the strike movement, the deputies who were on strike among them.” One of them, Seliverstov, soon died.⁴² Social Democrat E. Maevskii wrote that the pogrom-makers

burst into the factory buildings, looking for the most intelligent workers, especially those deputies who represented the mass of the workers during the famous summer strike. They grab them, kill them, maim them, and throw them out of the upper floors. . .⁴³

Recognizing that “a part of the workers is also taking part in this bloody affair,” he emphasized the passivity of the “benighted working mass.”⁴⁴ A. Savarenskii, chief of police at the time, argued that the deputies had displeased the workers by the fact that they had “bought... bicycles” with the money collected to support the strikers.⁴⁵ E. Maevskii, however, said that the reason for the beatings of the workers’ deputies were the actions of “certain factory owners” who “secretly did everything possible to incite the dark working masses against agitators from among the workers.” The workers were given vodka, work was stopped for three days, and they promised to start paying only when unreliable elements were expelled from the factories.⁴⁶

In 1913, at the trial which considered the circumstances of the October 1905 pogrom in Ivanovo-Voznesensk, two workers from the Garelin factory accused of beating up locksmith V. Belokurov claimed that the latter “forced them to stop working, stopped the steam engine, and we went on strike and famished for two months, which is why we decided to take him out to the crowd.”⁴⁷ Another reason for the beatings was disrespect for the monarch. This is how the Bolshevik V. Morozov was beaten because he refused to take off his hat in front of the tsar’s portrait. However, it should be noted that in response to the proposal to take the hat off, V. Morozov not only cursed the tsar but also managed to shoot two people who were holding his portrait.⁴⁸

One of the witnesses at the trial stated that “the loading workers from the station” took part in the beatings of the strikers and allegedly they were hired specifically for

⁴¹ *Moskovskie vedomosti*, October 30, 1905.

⁴² *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

⁴³ Maevskii, “The general picture of the movement,” 103.

⁴⁴ Maevskii, “The general picture of the movement,” 103.

⁴⁵ *Ivanovskii listok*, March 17, 1913.

⁴⁶ Maevskii, “The general picture of the movement,” 103.

⁴⁷ *Ivanovskii listok*, March 15, 1913.

⁴⁸ Stepanov, *The Black Hundred*, 81.

that purpose. The testimony of other witnesses also mentioned the classic characters of the pogroms, “the crowd in gray jackets,” i.e. corn dealers.⁴⁹ The Cossack units summoned to restore order played quite an opposite role, arousing discontent in the workers. This is confirmed by the opinion of a senior factory inspector, who said that “unless such atrocities [of the Cossacks] are put to an end,” instead of “desirable calming down” “further complications and riots” should be expected.⁵⁰ According to some reports, the Cossacks took part in the murder of F. Afanasyev during negotiations on the river Talka.⁵¹

The conservative *Moskovskie vedomosti* argued that the reason for the pogrom was “two shots during the manifestation, fired from the windows of the building occupied by Bernstein, a Jew, [his shop was the first to be plundered. – *I.O.*] and the speech of a Jewish orator in the square on October 22.”⁵² *Saryi vladimirets*, however, called the Black-Hundred agitation the cause of the pogrom. The newspaper did not deny the incident near Bernstein’s store, but presented it in a slightly different light:

In the afternoon in the square... employee of the city council Selivanovskii, merchant Tikhomirov and photographer Shcherbakov made pogrom speeches, urging to beat Jews and intellectuals, and Tikhomirov, in addition, handed out money to the crowd, calling for a Jewish pogrom. The electrified crowd rushed to the nearest Bernstein’s store.⁵³

And only after that “a crackling sound like a shot was heard from the store” and provoked the pogrom.⁵⁴

Ivanovskii listok found out that the “crackling” was not a shot at all; a boy put “a package with potassium chlorate on the porch of Bernstein’s shop and hit it with a stone.” The newspaper did not deny “pogrom agitation” but believed that defendants in the pogrom case A. Selivanovskii and V. Tikhomirov spoke only in response to “anti-government speeches,” arguing to those gathered at the rally,

that the Jews are corruptors of the people, that they mainly sow confusion among the people, and therefore it is necessary to beat the yids.⁵⁵

⁴⁹ *Ivanovskii listok*, March 17, 1913.

⁵⁰ GAVO, f. 14, op. 1, d. 1517, l. 8.

⁵¹ *Soviet historical encyclopedia* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1961), col. 937.

⁵² *Moskovskie vedomosti*, October 30, 1905.

⁵³ *Saryi vladimirets*, March 13, 1913.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Ivanovskii listok*, March 14, 1913.

The trial which was held in March 1913 ruled that N. Kurazhev, V. Tikhomirov, A. Selivanovskii, M. Shcherbakov, and G. Shokhnin were the main culprits of the October events.⁵⁶ All of them with the exception of N. Kurazhev later joined the Ivanovo-Voznesensk Autocratic Monarchist Party (IVAMP).⁵⁷ Although he was registered as non-partisan, N. Kurazhev ran for the Second and the Third Dumas on the list of the monarchists.⁵⁸ Of 21 persons convicted for the October pogroms (another 21 of the defendants were acquitted), the most severe sentences were given to A. Selivanovskii and V. Tikhomirov: revocation of rights and one year in correctional detention centers.⁵⁹ However, a month later all of the convicted monarchists were pardoned by the tsar at the request of the IVAMP.⁶⁰

Another pogrom took place in Shuya. It lasted several days. Like the pogrom in Ivanovo-Voznesensk, it was directed primarily “against the former deputies of the local Soviet and revolutionary-minded workers,” while the Jews were “simply forgotten” during the unrest.⁶¹ Other cities of the governorate avoided large-scale clashes between the supporters of the autocracy and the opposition.

On October 19, a demonstration took place in Murom. About 100 workers of the Valenkov factory took part joined by about 200 people of the “outside public” participated in the demonstration. The procession was accompanied by the singing of revolutionary songs (The Marseillaise and “Dubinushka”), and the slogans “Down with the autocracy!” were heard from the crowd. But the police did not dare to intervene, “knowing that all the demonstrators were armed” and many of them had revolvers that “shoot 200 sazhen.” After the release of the previously arrested well-known revolutionary leaders A. Shlyapnikov and M. Lakin, the mood of the demonstrators became even more aggressive.⁶² But despite the explosive atmosphere, the demonstrators did not clash with the police or with supporters of the autocracy that day. According to the Murom district police officer, Saturday of October 22, was of particular concern in the light of possible riots. On that day, the workers intended to come to the prison, and the district police officer feared “a big clash with the peasants” who came to the city on a market day on business. In order to prevent a “general scuffle,” the meeting of the workers was canceled. However, one incident did take place. The representatives of the Murom Peasant and Workers’ Committee

⁵⁶ *Ivanovskii listok*, March 15, 1913; *Saryi Vladimirets*, March 13, 1913.

⁵⁷ *Ivanovskii listok*, April 12, 1907; *Ivanovskii Listok*, January 27, 1913.

⁵⁸ *Vladimirskii krai*, January 12, 1907; *Vladimirets*, September 26, 1907.

⁵⁹ *Ivanovskii listok*, March 19, 1913.

⁶⁰ *Ivanovskii listok*, April 23, 1913.

⁶¹ Yu. Ivanov, “Man vs. Party: How Petrov, a petty bourgeois, created the myth of the Shuya Black Hundreders” [in Russian], *Rodina*, no. 3 (2000): 72; Yu. Ivanov, “Rabinovich and others. The Jewish issue in Shuya Uyezd” [in Russian], *Rodina*, no. 4–5 (2002): 119.

⁶² GAVO, f. 14, op. 1, d. 1517, ll. 10, 10 ob., 14, 14 ob.

handed out the text of the October Manifesto in the marketplace that day, “and one of the distributors was beaten by the village butchers.”⁶³

As we can see, the Jewish pogroms of October 1905 were directed not so much against ethnic Jews as against the revolutionaries in general, among whom Jews constituted a very noticeable part. Nicholas II wrote:

The people were outraged by the impudence and audacity of the revolutionaries and socialists, and since 9/10 of them are Jews, all anger fell on them – hence the Jewish pogroms. . . Russian agitators also got caught.⁶⁴

A. Asher, a historian from the United States, also believes that “although the Jews were the main target of the pogroms. . . they were not the only ones to be attacked;” everyone who supported the opposition in its struggle against autocracy was attacked.⁶⁵ There were no Jews among the victims of the pogroms in Vladimir Governorate (the pogrom-makers targeted their property rather than their lives). The sad list of the victims includes revolutionaries, agitators, and sometimes just casual participants in revolutionary demonstrations and patriotic manifestations.

Many contemporaries believed that the October events of 1905 were organized because pogroms broke out almost simultaneously (from October 18 to October 22, 1905) in hundreds of settlements. Both liberal and democratic circles did not allow the possibility of independent action by the popular masses in defense of the autocracy. The former considered them incapable of massive organized actions (which they thought pogroms were) without the influence of agitators; the latter did not admit that the people, whom they considered to be the bearers of the highest moral values, were capable of organizing bloody riots on their own initiative.

The opposition argued that the pogroms were organized by the government or the monarchist parties, both of them being equally interested in suppressing revolutionary uprisings. This thesis is quite firmly entrenched in liberal historiography, including that of the present time. A. Asher considers it “quite plausible” that the pogroms of 1905 were “planned by the tsarist government,” otherwise it is simply impossible to explain “such an outburst of hatred in many distant regions of a huge country with a time interval of only a few days.”⁶⁶ However, he is forced to admit that there is no evidence for this version.⁶⁷ The statements of a number of researchers about the organization of pogroms by monarchical parties also do not stand up to criticism. In

⁶³ GAVO, f. 14, op. 1, d. 1517, ll. 10 ob. – 24 ob., 33.

⁶⁴ Cited in V.V. Shul'gin, *‘What we don't like about them...’: on anti-Semitism in Russia* [in Russian] (St Petersburg: Khors, 1992), 239.

⁶⁵ Asher, “The pogroms of 1905,” 187.

⁶⁶ Asher, “The pogroms of 1905,” 185.

⁶⁷ Asher, “The pogroms of 1905,” 194.

October 1905, 690 pogroms took place in 660 settlements,⁶⁸ and by that time there had been departments of monarchist parties in only a few large cities, with a total of no more than 2–3 thousand members in their ranks (the overwhelming majority of them were representatives of eligible classes). At that time, they were resembled political salons rather than militant organizations.

It seems that the liberal newspaper *Klyaz'ma* identified the cause of the pogroms most correctly. Two and a half months after the bloody events it wrote the following:

All so-called Black Hundred movements and pogroms in the second half of October were caused by the fact that some people understood the Manifesto of October 17 in the sense of granting a constitution and therefore the abolition of autocracy, while others. . . held the opposite opinion.⁶⁹

The right-wing magazine *Mirnyi trud* expressed its point of view as follows:

The events following the publication of the Manifesto of October 17 broke out too concordantly, too spontaneously for any malicious incitement of the dark crowd or bribery to be found here, especially since the Manifesto was a surprise.⁷⁰

It seems that in October 1905 in Russia, neither the confused government nor small monarchist parties were able to bring tens of thousands of people to the streets of hundreds of settlements and organize them for decisive action.

In October 1905, there were no monarchist organizations at all in Vladimir Governorate. In January 1906, the IVAMP Committee made an explanation, indicating that the Jewish pogrom in the city took place on October 22, and “the Autocratic Monarchist Party only began to be organized on December 18 and was finally organized on December 23, i.e. two months later.” The Committee members asserted that “hence it is clear that the Autocratic Monarchist Party could not take any part, either active or passive, in the Jewish pogrom.” Moreover, according to the Committee members, the main reason for the establishment of the IVAMP was the unwillingness of its founders to remain “indifferent spectators of the lawlessness and violence sweeping through Russia and in Ivanovo-Voznesensk in particular.” The goal of the party was peaceful opposition to political violence “through a reasonable, cordial admonition.”⁷¹

⁶⁸ Kozhinov, *Mysterious pages*, 109.

⁶⁹ *Klyaz'ma*, January 8, 1906.

⁷⁰ R.E. “Contemporary impressions” [in Russian], *Mirnyi trud*, no. 9, November 1905, 215.

⁷¹ *Klyaz'ma*, January 19, 1906.

The Vladimir department of the Union of the Russian People established on February 14, 1906⁷² also emphasized that it was not involved in the pogroms of October 1905. *Vladimirskii krai*, its press organ, wrote:

As for the slander, zealously disseminated by the left-wingers, according to which the Union is accused of organizing pogroms, it was repeatedly mentioned on the pages of *Vladimirskii krai*: the Union has never organized any pogroms. . . the Union itself appeared after the first Jewish pogroms!

The newspaper claimed that

The Union recognizes only defensive tactics and always declares that it fights with all its might against the atrocities of the revolutionaries; but the Union has never committed a single act of offensive violence. . . On the contrary, the Union has so far restrained and is restraining the Russian people's anger against organizations that infringe on their historical rights and their dominant role in the country (at least de jure!).

In order to assure the reader of his impartiality, the author of this item stressed that he himself adheres to the October 17 program of the Union and believes that "the truth about the Union of the Russian People, which the left-bourgeois-liberal press so diligently conceals, would be revealed sooner or later."⁷³

Many years later, the well-known right-wing figure V. Shulgin admitted the indirect guilt of the monarchists for anti-Jewish protests:

to the extent that our anti-Semitic activities could cause excesses referred to as pogroms, we who are called the Black Hundreds bear moral responsibility for this, because our newspaper articles and speeches, which fell to the masses, were incitement to pogroms for undereducated people.⁷⁴

(However, this confession was made during interrogation in SMERSH in 1945, therefore its frankness raises certain doubts.) Modern American researcher Don C. Rawson repeated this idea almost literally, stating that although the right-wing extremists sometimes organized isolated attacks on the Jews, they still acted much

⁷² GAVO, f. 14, op. 4, d. 2797, ll. 3, 3 ob.

⁷³ *Vladimirskii krai*, December 6, 1906.

⁷⁴ A. Repnikov, "V.V. Shul'gin is the last knight of autocracy. New documents from the FSB archive" [in Russian], *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (2003): 85.

more often “through instigation rhetoric” and were responsible for the pogroms only in that sense.⁷⁵

After the end of the October pogroms, the atmosphere in the cities of Vladimir Governorate quite explosive for a long time. The slightest pretext was enough for a new outbreak of violence. On November 16, 1905, O. Genkina was killed in Ivanovo-Voznesensk. She was a revolutionary and member of the RSDLP and in her luggage there were 10 Smith and Wesson revolvers and 400 cartridges for them. The police and even the urgently summoned Cossacks were powerless in front of the “vengeful crowd of workers” who learned that O. Genkina was a Jew (her father came from baptized Jews). She was torn to pieces on the station tracks. A. Knyazeva, who was with her, was beaten half to death. With great difficulty, the police managed to snatch a gentleman of the “Jewish type” from the hands of the crowd. The workers recognized him as a revolutionary agitator who had previously handed out proclamations.⁷⁶ Another bloody incident occurred in the village of Undol of Vladimir Uyezd on the night of November 29. A member of the RSDLP M. Lakin was killed by the workers of the Bazhanov factory for the appeals for overthrow of autocracy. At the same time, the workers declared that “it was not a sin to kill anyone who went against the Tsar.”⁷⁷ P. Lebedev-Polyanskii recalled that in November 1905 he was “nearly killed during a rally in the nearby village of Undol.”⁷⁸ It is characteristic that both criminal cases of the murders of O. Genkina and M. Lakin were closed “for failure to identify the perpetrators.”

Later, such incidents with bloody consequences disappeared from the reports of the local police, giving way to more moderate manifestations of “loyal feelings” of the conservative population. However, the provincial liberals regularly used the topic of pogroms, which were allegedly planned by the Black Hundred, in order to intimidate the citizens. At the very beginning of 1906, the peasants of the village of Matveyevka of Sudogodsky Uyezd sacked the estate of A. Gresser, one of the Kadet leaders. Agrarian riots, which another Kadet, M. Herzenstein, preferred to call illuminations, had nothing to do with the monarchist movement. However, through the newspaper, A. Gresser tried to accuse the monarchists who were his political opponents. In the article with the characteristic title “A New Feat of the Black Hundred. A Letter from the Village,” he wrote:

⁷⁵ Don C. Rawson, *Russian rightists and the Revolution of 1905* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 228.

⁷⁶ *Moskovskie vedomosti*, November 22, 1905.

⁷⁷ Rubankov, *The right-wing monarchist movement in the Russian province*, 58.

⁷⁸ P.I. Lebedev-Polyanskii, “P.I. Lebedev-Polyanskii: Autobiography” [in Russian], in *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 55, V.G. Belinskii, ed. P.I. Lebedev-Polyanskii, I.S. Zil'bershtein, and S.A. Makashin (Moscow: AN SSSR, 1948), 580.

I openly declare that the pogrom in my estate had no agrarian character at all and that I do not blame my neighbors, the peasants of the village of Matveyevka, since they acted drunk and unconsciously. I only blame those who were overt and secret instigators and provocateurs, i. e. representatives of the Black Hundred.⁷⁹

In March 1906, the opposition received one more reason for accusing the monarchists of calling for pogroms: “with the permission of the vice-governor,” the Shuya Union of Russian Orthodox People distributed leaflets containing “Anthem for the Tsar” in Ivanovo-Voznesensk. It included such lines:

Firmly, boldly, and rationally
Let’s sweep away everything that is against the Tsar!
Let’s get to work, brothers, let’s make it happen!
The Lord will always help us!

According to the newspaper,

the police should have now stopped the distribution of such leaflets and withdrawn them from sale, otherwise, if “the Russian people shake themselves up again and begin to rationally sweep everything away,” we will have something like a pogrom again.⁸⁰

The peak of reports of the opposition press about the impending pogroms came in the second half of the summer of 1906. For example, the ultra-right Moscow newspaper *Veche* in its July 6 issue reported rumors spread by the *Narodnoye delo* newspaper that the Black-Hundreders in Kovrov were going to give the local Kadets a thrashing and that “it seems that some S-v was collecting money for this.”⁸¹ Similar rumors circulated in Gorokhovets. The correspondent of *Vladimirets* wrote that “the wave of the pogrom movement reached our town that is lost in the dense forests.” The author reported further that the pogrom was scheduled for July 20 – “on this day, an icon from the Frolischi Monastery is brought to the city. Many peasants come to meet it. Obviously, the pogrom-makers wanted to take advantage of this dark mass.” The correspondent notes with some regret, “But for some reason the pogrom did not take place. It is unclear whether it was an order from above, or any other considerations prevented the pogrom.”⁸²

At the end of July, *Vladimirets* announced a visit to Shuya by the “famous Yaroslavl Black-Hundred monk Iliodor”, who stayed with the “famous Black-

⁷⁹ *Klyaz'ma*, January 2, 1906.

⁸⁰ *Klyaz'ma*, March 24, 1906.

⁸¹ *Veche*, July 6, 1906.

⁸² *Vladimirets*, August 2, 1906.

Hundred leader in Shuya, chairman of the Union of the Orthodox Russian People” Petrov. The newspaper continued:

Nobody believes that the monk would come just to shake hands with noble Mr. Petrov. Involuntarily, the thought has been born of the possibility after this of some kind of provocation, and a pogrom following it.⁸³

At the beginning of August 1906, the newspaper returned to this topic, reporting on the Shuya monarchists preparing for decisive action.

On July 27 and 28, rumors of a pogrom circulated in the city. On the occasion of a local holiday, there is a cross procession of thousands of people. Factories do not work, a lot of peasants flock to the fair from the surrounding villages, drunkenness begins in the afternoon – this is the most attractive atmosphere of all the pogrom practice.

Moreover, this time *Vladimirets* emphasized that “the rumors that usually circulate here before all big holidays have remained only rumors so far, while this time the intensified activity of the ‘true Russian people,’ secrecy, and suspicious characters gave more good reason for the alleged action.” Late in the evening of July 27, the local police officer assured a deputation from the workers who came to him “that he would take appropriate measures.” The next day, the cross procession was accompanied by “about 20 Cossacks and guards, instead of the usual 6–8.” Everything went quietly, “no pogrom tendencies were observed among the most heterogeneous audience.” “The rumors turned out to be false,” admitted *Vladimirets*.⁸⁴

However, in the evening of the same day, at about 5 p.m., the calm in Shuya was disturbed: “a tragic incident broke out near the zemstvo reception room.” A certain N. Osinkin [possibly Bolshevik A.A. Osinkin. – *I.O.*]

fired a shot due to careless handling of the revolver. At this time, a policeman who was taking a drunken person to the station passed by that place. Hearing the shot, he got off the cab and intended to search the shooter; then the shooter fired two shots. The policeman fell down. . . The shooter quickened his pace and ran. They began to catch up with him. Threatening with the revolver, he stopped the pursuers, but after running a short distance, he stumbled and fell.

⁸³ *Vladimirets*, July 29, 1906.

⁸⁴ *Vladimirets*, August 2, 1906.

Further, according to the newspaper, a “heartbreaking” picture followed: “The Black-Hundred gang led by leatherworker Kiselev began a wild lynching. They beat him in a random manner, beat him anywhere, beat him as much as they could.” Only the police who arrived in time were able to stop the beating by arresting N. Osinkin.⁸⁵

The wounded policeman somehow got lost behind the descriptions of the brutal beating of N. Osinkin. The newspaper mentioned him only in one sentence, “The policeman was wounded heavily in the arm and right lung,” expressing neither sympathy for the wounded man nor indignation at the actions of the shooter. Moreover, the newspaper justified the actions of the shooter, believing that N. Osinkin “was in a state of extreme excitement and obviously, acted unintentionally, on the spur of the moment.” The Black Hundreders who beat the shooter during the arrest were the only ones whom *Vladimirets* considered criminals: “It must be assumed that the judicial authorities will take measures against the repetition of such facts and will bring Kiselev and company to court.”⁸⁶ N. Osinkin escaped from prison less than two months later,⁸⁷ but the opposition recalled the July incident for a long time. In October, *Vladimirets* published a fantasy play called “The Performance of the Patriots of Reaction.” Here is a small excerpt from it:

Kiselev enters.

Reaction:

I heard about you, it seems that in July you...

Kiselev:

Osinkin was blown up half to death,
We did not spare our fists!
Although a pogrom was not arranged,
But this person was simply
Torn to pieces. . .⁸⁸

As we can see, none of the pogroms announced by the opposition press ever took place in Vladimir Governorate (the beating of the revolutionary N. Osinkin who shot at the policeman during the arrest can hardly be attributed to pogroms). At the same time, refuting rumors about impending pogroms, the monarchists themselves did not deny the possibility of their occurrence if the revolutionary forces took active actions. In October 1906, *Veche* published a telegram from the IVAMP addressed to the governor of Yaroslavl, which said:

⁸⁵ *Vladimirets*, August 2, 1906.

⁸⁶ *Ibid.*

⁸⁷ *Vladimirets*, September 30, 1906.

⁸⁸ *Vladimirets*, October 8, 1906.

Outraged by the mean actions of the workers of the Yaroslavl Big Manufactory with the workers who are members of the Union of the Russian People, the Ivanovo-Voznesensk workers warn Your Excellency that if decisive measures are not taken in their defense, the people from Ivanovo will come to Yaroslavl in person to defend their allies from violence.⁸⁹

A little later, *Ivanovskii listok* wrote:

We are absolutely sure that the monarchists will not commit any pogrom, of course, unless there is a provocation on the side of the Red Hundreds. We hope that the latter will be prudent.⁹⁰

However, the things did not go further than formidable statements and sending telegrams.

By the end of 1906, the power confrontation between the Black Hundreds and the opposition in the Vladimir province had practically died down. After the establishment of right-wing organizations, the monarchists were able to wage political war with their opponents legally. The recession of the revolutionary movement, which was clearly visible in the summer of 1906, and the decisive position of the authorities also played a role. On February 26, 1906, the Vladimir governor sent a circular to the local police authorities:

It has come to my attention that in the places where the Jewish population is most concentrated there is a hostile mood towards them from other parts of the population. As a result of this, I urge the chiefs of police and district police officers to take decisive measures to prevent riots that may arise on this basis. . .⁹¹

On June 4 another directive followed:

In order to avoid pogroms and in view of the incidents in the city of Bialystok,⁹² I inform the uyezd congresses, zemstvo chiefs, chiefs of police and district police officers that the Minister of Internal Affairs expects them to selflessly fulfill their duties. All pogroms, both agrarian and Jewish, must be prevented, and if they do occur, they must be suppressed in the most decisive way.⁹³

⁸⁹ *Veche*, October 12, 1906.

⁹⁰ *Ivanovskii listok*, April 14, 1907.

⁹¹ GAVO, f. 14, op. 5, d. 1871, l. 6.

⁹² In June 1906, a Jewish pogrom took place in Bialystok (Grodno Governorate), the victims of which were several dozen people. – *Author*.

⁹³ GAVO, f. 14, op. 5, d. 1871, l. 8.

In December 1906, *Vladimirets* reported with faux surprise that the consecration of the Black Hundred banner in neighboring Shuya “was smooth, despite the presence of the ‘delegates’ from the Ivanovo pogrom-makers and even despite the fact that a public prayer was held in front of the entrance to the beer shop.”⁹⁴ And in February 1907 the newspaper was forced to admit:

The black clouds that hung over Ivanovo several months ago have dispersed. The pogroms are gradually being forgotten.⁹⁵

Nevertheless, minor political clashes between the right-wingers and their opponents in various localities of Vladimir Governorate did occur in 1906. For instance, it became popular on both sides to destroy the printed materials of political opponents. In January 1906, *Klyaz'ma* reported that the Ivanovo-Voznesensk monarchists “came to the conclusion that the newspapers were to blame for the ‘turmoil’” and “decided to banish all progressive newspapers from retail sale.” The first victim was the Yaroslavl newspaper *Severnyi krai*:

As soon as the second railroad strike ended, and, the first printed newspaper sheet came to Ivanovo from Yaroslavl, the Black Hundreds who were waiting for it destroyed the newspaper in an instant. The next day the same thing happened. The crowd at the station burned all copies. The newspaper agent, who was trying to protect his property, was nearly maimed and received threats that he would be sure to get into trouble, and that they would get to his apartment. As a result, the editorial team of *Severnyi krai* was forced to close its office in Ivanovo-Voznesensk before the Christmas holidays and withdrew the correspondent.⁹⁶

In early February, *Klyaz'ma* sounded the alarm again. The reason was the “hideous Black Hundred antics of Ivanovo cab drivers”:

they gave no peace to the city vendors and delivery men. . . and not only did they allow themselves to make threats to the vendors of progressive magazines and newspapers, but they also committed repeated arbitrary acts of violence, for example, snatching newspapers from their hands and destroying them.⁹⁷

After the appearance of the right-wing newspapers, the opposition started similar actions in relation to them. In November 1906, the right-wing newspaper *Vladimirskii*

⁹⁴ *Vladimirets*, December 21, 1906.

⁹⁵ *Vladimirets*, February 23, 1907.

⁹⁶ *Klyaz'ma*, January 14, 1906.

⁹⁷ *Klyaz'ma*, February 6, 1906.

krai, which had just begun to be issued, complained that “the workers of the Kovrov workshops forbade worker Zhavoronkov, the chairman of the Kovrov department of the Union of the Russian People, to distribute publications of the Union, although those publications did not contain any calls for violence, enmity and ruin.” And in Vladimir

on Bolshaya Street, an unknown spectacled villain approached the boy who was selling our newspaper and, having snatched the newspapers from the boy’s hands, tore them into pieces without paying their cost.⁹⁸

There were also direct clashes between the monarchists and their opponents. But they were few. The opposition press reported only four incidents of right-wing violence in 1906. Three of them took place in Ivanovo-Voznesensk, a city that was characterized by an unfavorable crime situation at that time for various reasons, primarily social ones.

On January 18, 1906, the assistants at the shop of the butcher Nozdrev in Ivanovo-Voznesensk beat up a resident who tore down the announcement of the Autocratic Monarchist Party that was hanging in the shop.⁹⁹ In May, two incidents occurred in the city. In the first case, “6 intellectuals – teachers and students – were brutally beaten near Shakhov’s restaurant by the Black Hundred with the participation of two policemen”. According to *Klyaz'ma*, “this intelligent company came to the restaurant to have dinner.” They “sat up until midnight, until the time it closed,” and when they went outside,

the visitors who were leaving started singing “The Marseillaise” quietly and calmly. That was enough to annoy the patriotic cab drivers and policemen even more. They attacked the people who were leaving the restaurant and started beating them.¹⁰⁰

In the second case, the reason for the quarrel was the word “comrades” addressed to the monarchist workers. This is how *Klyaz'ma* described the incident:

On the outskirts of the city, several workers gathered on the lawn; they were singing songs. A man passing by stood up and said:

“Comrades, why are you singing like that... let’s go and have some beer!”

The Russian people found fault.

“We will show you ‘comrades.’ What ‘comrades’ are there... we have ‘brethren’.”

The man did not obey them and received several strong blows.

⁹⁸ *Vladimirskii krai*, November 29, 1906.

⁹⁹ *Klyaz'ma*, January 30, 1906.

¹⁰⁰ *Klyaz'ma*, May 13, 1906.

Though, *Klyaz'ma* also admitted that “nothing had been heard about new acts of violence because of this [the word “comrades” – *I.O.*] from the Black Hundreds: apparently, even they began to understand that it is silly to beat people for such a word.”¹⁰¹

The fourth incident took place in Pereslavl-Zalessky on April 21, 1906:

In the Bolshoi tavern, S.M. Bubnov, who had just arrived in Pereslavl, was beaten by a petty vendor Stepan Ilyichev, a Black Hundreder. Mr. Bubnov’s crime was that not knowing our morals, he dared to talk about politics. His reasoning was recognized harmful by the newspaper vendor Stepan Ilyichev. Together with another Black-Hundred hooligan, a harness-maker, this “patriot” gave S.M. vile punishment, after which Mr. Bubnov was taken from the tavern directly to the hospital.

The newspaper added that “that was the second act of violence committed by Stepan Ilyichev. The first one was committed against the clerk of the tax inspector.”¹⁰² Although, according to *Vladimirets*, S. Ilyichev “was a protégé, almost a friend of the local police officer Tikhomirov,” both he and his accomplice were sentenced to two months in prison for beating S. Bubnov.¹⁰³

In 1907, the press reported only one incident involving the right-wingers. In its form, it was more like a domestic quarrel than a political conflict. On May 14, 1907, in Ivanovo-Voznesensk, members of the IVAMP Shokhnin, Suslov, Balakirev, and Monakin “went to the beerhouse at the stone bridge,” where under the influence of alcohol a “conversation about local affairs” gradually turned “to politics.” The correspondent of *Vladimirets* wrote the following about what happened next:

While one of the “monarchists” was speaking about Japan, a carpenter walked in and sat down at another table. For a long time he listened to what the monarchist was saying, but when it came to the war with Japan, the carpenter remarked: “90,000 fools were killed in the war, and 5,000 smart people stayed alive.” The patriots were outraged by this, and Shokhnin, Suslov, and Sipatr [sic. – *I.O.*] began to beat the carpenter, the latter managed to break loose and escaped. Tempers flared, and they wanted to beat another one, but he turned out to be stronger than them, and they hastened to nobly withdraw.¹⁰⁴

On the other hand, the opposition in 1907 was marked by unlawful actions against the monarchists three times. In Kovrov,

¹⁰¹ *Klyaz'ma*, May 14, 1906.

¹⁰² *Klyaz'ma*, April 27, 1906.

¹⁰³ *Klyaz'ma*, May 26, 1906.

¹⁰⁴ *Vladimirets*, May 27, 1907.

on January 5, a member of the Union of the Russian People P. Kudryakov was beaten by two apprentices of the Treumov factory, there are witnesses; the case was legalized, the victim was admitted to the hospital.

This is what *Vladimirskii krai* wrote.¹⁰⁵ A little later, *Kovrovskie vesti* reported that in Murom “the chairman of the union, the zemstvo chief of the Karacharovskaya volost had already paid for joining this union: windows in his apartment were broken by someone.”¹⁰⁶ According to *Ivanovskii listok*, in April in Ivanovo-Voznesensk,

a monarchist, S-ov, received a letter in which an unknown author, who calls himself a member of a militant organization, on behalf of the main revolutionary committee asks the monarchist to dismiss from the monarchist party, otherwise he threatens death. The letter ends with the words: If you do not fulfill the request, you will be killed, and your corpse will be torn to pieces.

The monarchists did not miss their chance to retort, saying that “for every monarchist killed by the revolutionaries, at least 5 revolutionaries will be destroyed.”¹⁰⁷ Apparently, both sides did not intend to go beyond the newspaper controversy, but the tone of the “discussion” is indicative.

In 1908, provocations against the monarchists continued. As reported by the Yaroslavl right-wing newspaper *Russkii narod*, on June 14 in Aleksandrov,

P. Udaltsov, a member of the Aleksandrov Council of the Union of the Russian People, was attacked when he was returning from the fire. Scribe Tikhanov, an employee at the local treasury, approached him and with the words: “Ah, allies, you stand for. . . (an abusive expression towards the Emperor followed)!” he struck Udaltsov in the face with some heavy weapon; the blow caused internal damage to the cartilage, causing severe bleeding from the nose and throat, which defied the efforts of the doctors. The outcome of the wound cannot yet be determined.

The newspaper emphasized that “Udaltsov was one of the most active members of the council and served as an accountant at the Alexandrov treasury.” Scribe Tikhanov who attacked him was employed by the same treasury “on recommendation of one of the representatives of the Alexandrov judicial world.”¹⁰⁸ A month later, *Russkii narod* reassured its readers that “Udaltsov’s health had recovered.”¹⁰⁹

¹⁰⁵ *Vladimirskii krai*, January 26, 1907.

¹⁰⁶ *Kovrovskie vesti*, January 28, 1907.

¹⁰⁷ *Ivanovskii listok*, April 8, 1907.

¹⁰⁸ *Russkii narod*, July 16, 1908.

¹⁰⁹ *Russkii narod*, August 12, 1908.

In October, M. Petrov, the chairman of the Shuya Union of the Russian Orthodox People, became a victim of the attack.

The villains beat the unarmed man half to death, after which they all fled. . . . This is the third attempt already. The police, as usual, was unable to find the assailants, and if they did it, the humane court would immediately help out the seditionaries. Yes, seditionaries in Russia live better than the people who stand for Faith, Tsar and Fatherland,

reported *Russkoe znamya*.¹¹⁰

In 1909, information about political clashes in the periodicals was no longer found.

Conclusion

The growing revolutionary crisis in the fall of 1905 contributed to the political polarization of the population, dividing it into two hostile camps: conservative and revolutionary. Bloody clashes between them were provoked by the Manifesto of October 17, which was perceived by one side as a signal for the last assault on the autocracy, and by the other as a call for defending its last bastion. The version of the opposition that the government organized the pogroms in October 1905 does not stand up to criticism because the tsarist manifesto came as a complete surprise for the local authorities, plunging them into a state of confusion.

In the same way, the statement about the organization of pogroms by the monarchical parties is not based on any fact because in October 1905 they simply did not exist in Vladimir Governorate. On the contrary (as the monarchists themselves argued), the establishment of right-wing parties helped to end violent clashes between the opposition and the conservative-minded population, since the latter was able to pursue its political course by legal means. After the emergence of monarchist organizations, political violence in the governorate gradually died down and both sides were equally responsible for the few (and fortunately bloodless) clashes between the monarchists and the opposition which took place in 1906–1908.

Список литературы

Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. – Москва: Наука, 1966. – 181 с.

Ашер А. Погромы 1905 року: самочинність, чи заплановане насильство? // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – № 5–6. – С. 185–194.

Борисов Я. Кому нужны погромы? – Санкт-Петербург: Друг народа, 1906. – 16 с.

¹¹⁰ *Russkoe znamya*, October 31, 1908.

Евгеньев [Кауфман] А.Е. Царские погромщики. – Петербург: Атений, 1919. – 21 с.

Залежский В. Монархисты. – Изд. 2-ое. – Харьков: Пролетарий, 1929. – 80 с.

Иванов Ю. Рабинович и другие. Еврейский вопрос в Шуйском уезде // Родина. – 2002. – № 4–5. – С. 118–119.

Иванов Ю. Человек – партия: Как мещанин Петров создал миф о шуйских черносотенцах // Родина. – 2000. – № 3. – С. 72–75.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 464 с.

Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX в. – Москва: Прима В, 1995. – 255 с.

Кузнецов Г.Р. Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Московский государственный университет, 2011. – 31 с.

Лавриков С.В. Правомонархическое движение в Тверской губернии (1905–1915): дис. ... канд. ист. наук. – Тверской государственный университет, 1996. – 204 с.

Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1914. – С. 347–469.

Маевский Евг. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX в. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 34–184.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – Москва: Терра, 1992. – 640 с.

П.И. Лебедев-Полянский: Автобиография // Литературное наследство. Т. 55. – Москва: АН СССР, 1948. – 579–584 с.

Погромы и погромщики: 1. О Черной сотне. 2. В Государственной Думе: речи Мин. внут. дел [П. А. Столыпина] и члена Думы князя Урусова. – Нижний Новгород: Типография И.М. Гец, 1906. – 35 с.

Раскин Д.И. Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки: в 3 ч. Ч. 1. Россия и русское зарубежье / под редакцией Р.Ш. Ганелина. – Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, 1992. – С. 5–46.

Рубанков К.С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Костромской государственный университет, 2007. – 188 с.

Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг. (на материалах Костромской, Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Костромской государственный университет, 2007. – 267 с.

Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX – 1920). – Москва: Мысль, 1977. – 366 с.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). – Москва: АО Росвузнаука, 1992. – 329 с.

Шукина Т.А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Южно-Уральский государственный университет, 2010. – 210 с.

Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. – Санкт-Петербург: Хорс, 1992. – 286 с.

Laqueur W. *Black Hundred: the rise of the extreme right in Russia*. – New York: Harpercollins, 1993. – 317 p.

Pogroms: *Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* / edited by J.D. Klier and Shlomo Lambroza. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. – 393 pp.

Rawson Don C. *Russian rightists and the Revolution of 1905*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 286 p.

References

Asher, A. “Pogromy 1905 roku: samochynnist', chy zaplanovane nasil'stvo?” [“The pogroms of 1905: arbitrary rule or planned violence?”], *Filosofs'ka i sotsiologichna dumka*, no. 5–6 (1994): 185–94. (In Ukrainian)

Avrekh, A.Ya. *Tsarizm i tret'eiyun'skaya sistema* [Tsarism and the system of June 3]. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian)

Borisov, Ya. *Komu nuzhny pogromy?* [Who needs pogroms?]. St Petersburg: Drug naroda, 1906. (In Russian)

Evgen'ev [Kaufman], A.E. *Tsarskie pogromshchiki* [Tsarist pogrom-makers]. Peterburg: Atenei, 1919. (In Russian)

Ivanov, Yu. “Chelovek – partiya: Kak meshchanin Petrov sozdal mif o shuiskikh chernosotentsakh” [“Man vs. Party: How Petrov, a petty bourgeois, created the myth of the Shuya Black Hundreders”], *Rodina*, no. 3 (2000): 72–75. (In Russian)

Ivanov, Yu. “Rabinovich i drugie. Evreiskii vopros v Shuiskom uезде” [Rabinovich and others. The Jewish issue in Shuya Uyezd’], *Rodina*, no. 4–5 (2002): 118–19. (In Russian)

Kir'yanov, Yu.I. *Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg.* [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russian)

Klier, J.D., and Shlomo Lambroza, eds. *Pogroms: Anti-Jewish violence in modern Russian history*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

Kozhinov, V.V. *Zagadochnye stranitsy istorii XX v.* [Mysterious pages of the history of the 20th century]. Moscow: Prima V, 1995. (In Russian)

Kuznetsov, G.R. *Revolutsionnaya bor'ba i pogromy v period Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg.* [Revolutionary struggle and pogroms during the First Russian Revolution of 1905–1907]. PhD thesis. Moscow State University, 2011. (In Russian)

Laqueur, W. *Black Hundred: the rise of the extreme right in Russia*. New York: HarperCollins, 1993.

Lavrikov, S.V. *Pravomonarkhicheskoe dvizhenie v Tverskoi gubernii (1905–1915)* [The right-monarchist movement in Tver Governorate (1905–1915)]. PhD diss. Tver State University, 1996. (In Russian)

Lebedev-Polyanskii, P.I. “P.I. Lebedev-Polyanskii: Avtobiografiya” [P.I. Lebedev-Polyanskii: Autobiography]. In *Literaturnoe nasledstvo* [Literary remains], vol. 55, 579–84. Moscow: AN SSSR, 1948. (In Russian)

Levitskii, V. “Pravye partii” [“Right-wing parties”]. In *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v.* [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century], vol. 3, is. 5, 347–469. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya Pol'za”, 1914. (In Russian)

Maevskii, Evg. “Obshchaya kartina dvizheniya” [“The general picture of the movement”]. In *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v.* [Social movement in Russia at the beginning

of the 20th century], vol. 2, pt. 1, 34–184. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya Pol'za”, 1909. (In Russian)

Ol'denburg, S.S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Terra, 1992. (In Russian)

Pogromy i pogromshchiki: 1. O Chernoi sotne. 2. V Gosudarstvennoi Dume: rechi Min. vnut. del [P. A. Stolypina] i chlena Dumy knyazya Urusova [Pogroms and pogrom-makers: 1. About the Black Hundred. 2. In the State Duma: speeches of the minister of internal affairs [P.A. Stolypin] and a member of the Duma, Prince Urusov]. Nizhny Novgorod: Tipografiya I.M. Gets, 1906. (In Russian)

Raskin, D.I. “Ideologiya pravogo russkogo radikalizma v kontse XIX – nachale XX vv.” [Ideology of the right-wing Russian radicalism in the late 19th – early 20th centuries]. In *Natsional'naya pravaya prezhde i teper'. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki*. [The national Right in the past and nowadays. Historical and sociological essays], pt. 1, *Rossiya i russkoe zarubezh'e* [Russia and the Russian diaspora], edited by R.Sh. Ganelin, 5–46. St Petersburg: Institut sotsiologii RAN, 1992. (In Russian)

Rawson, Don C. *Russian rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Rubankov, K.S. *Pravomonarkhicheskoe dvizhenie v rossiiskoi provintsii. 1905 – fevral' 1917 gg. (na materialakh Vladimirskoi i Kostromskoi gubernii* [The right-wing monarchist movement in the Russian province. 1905 – February 1917 (based on the materials of Vladimir and Kostroma governorates)]. PhD diss. Kostroma State University, 2007. (In Russian)

Rybkin, A.A. *Politicheskii terrorizm v provintsii v 1905–1907 gg. (na materialakh Kostromskoi, Tverskoi i Yaroslavskoi gubernii* [Political terrorism in the province in 1905–1907 (based on materials of Kostroma, Tver and Yaroslavl governorates)]. PhD thesis. Kostroma State University, 2007. (In Russian)

Shukshina, T.A. “Chernosotennye” pogromy oktyabrya 1905 goda v Rossii: kul'turnyi konflikt v rossiiskom obshchestve nachala XX veka [Black-Hundred pogroms of October 1905 in Russia: cultural conflict in Russian society at the beginning of the 20th century]. PhD diss. South Ural State University, 2010. (In Russian)

Shul'gin, V.V. “Chto nam v nikh ne nravitsya...”: ob antisemitizme v Rossii [‘What we don't like about them...’: on anti-Semitism in Russia]. St Petersburg: Khors, 1992. (In Russian)

Spirin, L.M. *Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX – 1920)* [The collapse of the landowner and bourgeois parties in Russia (early 20th century – 1920)]. Moscow: Mysl', 1977. (In Russian)

Stepanov, S.A. *Chernaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.)* [The Black Hundred in Russia (1905–1914)]. Moscow: AO Rosvuznauka, 1992. (In Russian)

Zalezhsii, V. *Monarkhisty* [Monarchists]. 2nd ed. Kharkov: Proletarii, 1929. (In Russian)

Информация об авторе

Игорь Владимирович Омельячук – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>, Omeliyanchuk@mail.ru, Московский городской педагогический университет (129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4)

Information about the author

Igor' V. Omel'yanchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>, Omeliyanchuk@mail.ru, Moscow City University (4, Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226, Russia)

Статья поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 21.05.2021; принята к публикации 02.06.2021.

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 21.05.2021; accepted for publication 02.06.2021.